

ВИКТОР ТЮРИН

Боевая фантастика

БУФЕТЬ
СЕВЕР
ТРАКТИРЪ

АНГЕЛ С ЖЕЛЕЗНЫМИ КРЫЛЬЯМИ

Боевая фантастика (АСТ)

Виктор Тюрин

Ангел с железными крыльями

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Тюрин В. И.

Ангел с железными крыльями / В. И. Тюрин — «АСТ»,
2017 — (Боевая фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-101026-3

Сознание умирающего юноши переносится в тело потерявшего память поручика-артиллериста. Идет 1915 год. Вначале герой воспринимает новое тело как подарок судьбы, ведь, пролежав большую часть жизни на больничной койке, он получил в свое распоряжение целый мир и теперь ему надо наверстать все, что было упущено в той жизни. Герою придется схватиться с уголовным миром Петербурга и действовать за линией фронта, в тылу германской армии, под Сморгонью. Вольная жизнь одиночки устраивала до того дня, пока не пришлось столкнуться с тем, мимо чего невозможно пройти. Несчастье, случившееся с сестрой, заставило его по-другому взглянуть на жизнь и задуматься о том, что через год Россия, с ее душой нараспашку и милым самоварным уютом, утонет в крови братоубийственной войны, забрав с собой миллионы человеческих жизней. Только у него есть шанс изменить ход истории. Кто, если не он?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-101026-3

© Тюрин В. И., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	40
Глава 4	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Виктор Тюрин

Ангел с железными крыльями

© Виктор Тюрин, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Пролог

Я умирал. В некогда прочитанной книге было написано, что в такие моменты сознание словно перелистывает всю твою жизнь, словно книжку с картинками, перед глазами, но это правило, похоже, не распространялось на меня. В чем причина, мне трудно судить, но, наверное, все потому, что в нормальном мире, среди людей, я прожил недолго. Экзамены за девятый класс мне пришлось сдавать экстерном, а затем была больничная палата. Белые простыни. Белый потолок. Я ненавидел этот цвет, так же как и свою болезнь. Все мои чувства и ощущения проходили через призму боли, давая совсем другой спектр внешнего мира – от серых оттенков к черному цвету. Слова из песни «Белый снег», некогда услышанные мною, полностью отражали мое состояние: «...Господи, за что мне это, все забрал, всего лишил, душу вынул – боль вложил...»

Я ждал смерть и вот сегодня, наконец, почувствовал ее приближение. Тонкая-претонкая ниточка, удерживавшая меня на этом свете, сейчас натянулась до такой степени, что дрожала от напряжения. Откуда во мне родилось это чувство, я не знал, да и знать не хотел – еще несколько мгновений, несколько секунд, может минута, и она оборвется. Если бы смог, то оборвал бы ее уже давно, но сейчас мне только и оставалось, что ждать. Мне было не привыкать. Первые несколько лет прошли в ожидании чуда, а потом... смерти. И вот сейчас все должно кончиться. Прямо сейчас... Даже сквозь быстро гаснущее сознание я услышал, как звонко лопнула, пусть даже воображаемая, последняя ниточка, соединявшая мою душу с телом, и...

Глава 1

Когда мой разум, пробившись сквозь забытие, вызванное «химическим» сном успокоительных препаратов, стал пробуждаться, начиналось время перехода в реальный мир. Не открывая глаз, внутренне напрягся, ожидая появления волны боли, но... ее не было.

«Я умер?!»

Этот вопрос был логическим продолжением мысли, давно определившей суть моей сегодняшней жизни: я жив, пока во мне сидит боль. Раз ее нет, то...

«Но тогда как я... мыслю?»

Новый вопрос заставил меня открыть глаза. Мысль о смерти сразу скукожилась и исчезла, стоило мне увидеть над головой плохо побеленный потолок. Он не удивил и не испугал меня, а просто поставил в тупик своим непонятым появлением. Не двигая головы, повел глазами по сторонам, потом крепко их зажмурил, выждал какое-то время, снова открыл, после чего, приподняв голову, стал в растерянности озираться. Широкая железная кровать, стоявшая в небольшой комнатке, занимала почти треть помещения. Рядом с ней находилось окно с деревянной рамой и низким деревянным подоконником, покрытым белой, местами облупившейся, краской. Окно наполовину закрывали короткие белые плотные занавески. То, что я сейчас видел, просто не могло быть. Эта мысль промелькнула на задворках моего сознания и пропала, потому что в следующую секунду на меня навалились ощущения реального мира. Пальцы вдруг почувствовали фактуру материала, голова – плотность подушки. Сердце бешено застучало, разгоняя кровь по всему телу. Ощущение нереальности происходящего захлестнуло меня, заставив усомниться в подлинности окружающего меня мира.

«Сон? Галлюцинации?»

В следующий миг в носу нестерпимо зачесалось, и я, не выдержав, чихнул. Рука автоматически дернулась по направлению к носу и замерла. Уставившись на поднявшуюся руку, как на чудо, я даже не сразу понял, что она не моя. Она просто не могла быть моей! Толстое запястье, широкая и тяжелая ладонь.

«Это... что же такое...? – поднял и подержал какое-то время на весу вторую руку. – Я... в чужом теле?»

Вместе с этой невероятной мыслью снова вернулось ощущение нереальности, правда, сейчас мое замешательство длилось недолго. Откинув теплое одеяло, я увидел, что одет в белую просторную рубашу и кальсоны с завязками. Все, что я видел, чувствовал и ощущал, было за гранью нормального мироощущения, но даже это не могло поколебать меня. Я получил то, о чем только мог мечтать! Болезнь вместе с парализованным телом осталась там, а я здесь! Для меня сейчас только это было главным! Приподнявшись, я неловко сел, спустив ноги на пол. На деревянном полу стояли войлочные тапки серого цвета. Секунду поколебавшись, всунул ноги в тапочки, потом рывком встал. Утвердившись на ногах, сделал шаг, за ним другой. Ощущения человека, вставшего на ноги, пусть даже чудесным образом, после семи лет полной неподвижности, меня не просто захлестнули, они заставили забыть обо всем на свете. Боли нет, я здоров, я могу ходить! – пела каждая жилка, каждая клеточка моего тела. Сердце, не переставая, радостно стучало в груди, словно барабан на праздничном параде. Сколько времени я так простоял, не знаю, но в какой-то миг из-за двери послышались какие-то звуки. Я замер, словно меня поймали на чем-то непристойном, но уже спустя несколько секунд понял, что выгляжу, по меньшей мере, глупо, стоя в нижнем белье посреди комнаты.

«Ну не придурок ли ты?»

После этого риторического вопроса снова огляделся по сторонам, но теперь уже не вскользь, а цепко и внимательно оглядывая помещение. Без сомнения, это была больничная палата, но при этом абсолютно непохожая на стерильные и ослепительно белые помещения,

в которых мне доводилось лежать. Деревянный пол с пятнами облупившейся краски. Железная кровать. Тумбочка. Табуретка. У самой двери на стене висел рукомойник со стоявшим под ним ведром, над которым висело помутневшее от времени зеркало. Не раздумывая, сразу направился к нему, после чего несколько минут вглядывался в лицо чужого человека. Это было не просто странное, это было непередаваемое ощущение. Да и как можно передать словами то, что ты смотришь на себя в зеркало, а там отражается чужой человек.

Отражение показало высокого атлетически сложенного мужчину с обычным лицом и густой шевелюрой. Завернув рукав, с удовольствием покачал бицепсом, после чего задрал рубаху и какое-то время любовался мощью, слегка огрузневшего от долгого лежания тела. От этого занятия меня отвлек новый шум за дверью, заставив вернуться в реальный мир.

Теперь, когда я осознал, что получил новое, здоровое тело и нахожусь, пока условно, в каком-то другом месте, то просто принял это к сведению, не став терзать мозг вопросами на тему: что со мной произошло? На данный момент меня устраивала подобная ситуация, к тому же моему внутреннему спокойствию способствовал самоконтроль сознания, ставший неотъемлемой частью меня.

Когда стало окончательно понятно, что болезнь прогрессирует, передо мной встала дилемма: сдаться болезни (к этому времени мне уже было известно, что я приговорен) или хоть как-то попробовать ей противостоять. Выбрал второе. Взяв за девиз слова Карлоса Костанеды: «Человек побежден только тогда, когда он оставляет всякие попытки и отказывается от себя», я принялся бороться за себя. Сначала это были просто отчаянные попытки обуздать боль, но страх и жалость к самому себе сводили их к нулю. Тогда мне пришлось спросить себя: зачем живому трупу эмоции, вроде жалости и сострадания? Интернет предоставил мне возможность изучить различные методики психологического тренинга, после чего я занялся организацией работы мозга. Первоначально передо мной стояла задача научиться отключать боль, но позже понял, что подходил к проблеме слишком узко, и принялся учиться подавлять мешающие борьбе эмоции. Невероятно трудно стать жестоким по отношению к себе. Со стороны могло показаться, что я объединился вместе со своей болью против своего собственного «я», но это было не так. Спустя какое-то время я выиграл сначала один маленький бой с болью, затем другой. Она больше не могла опираться на расслабляющие меня эмоции и стала отступать, сдавая позиции. Так постепенно мне удалось ее контролировать, пусть не всегда и не полностью, но это была лично моя победа. Уверовав в свои силы, я решил не останавливаться на достигнутых успехах и пошел дальше.

Жизнь на больничной койке научила меня выжидать и наблюдать, оставалось только научиться делать правильные выводы, и я принялся изучать науку невербалику, которая изучает жесты, позы, мимику человека. Умение работать с сознанием и жесткий самоконтроль скоро дали отличные результаты, сотни раз проверенные мною на практике.

Вот и сейчас мозг перешел в рабочий режим, привычно взяв эмоции под контроль. Пробежав глазами по палате, я решил начать с тумбочки, в которой могли находиться документы и личные вещи пациента. Подойдя к ней, открыл. Ничего. Только на верхней полке лежали мыло и бритва. Взяв ее, открыл, после чего провел острым лезвием по указательному пальцу. Из надреза выступила кровь, при этом боли я не почувствовал. Просто неприятное ощущение. Я невольно усмехнулся. Просто детская сказка какая-то... Лизнув порез, ощутил солоновато-сладковатый привкус. Вкус настоящей крови. Он окончательно утвердил меня в мысли, что все вокруг меня – реальность. Сложив и положив бритву на место, я выпрямился и подошел к стоявшей у стены ширме. За ней оказался вбитый в стену крючок, на котором висел больничный халат и одежда. Тщательно обшарив все карманы, мне не удалось найти даже обрывка бумаги. Оглядел одежду. Черное пальто, костюмная пара, рубашка. Все вещи имели поношенный вид. Давно нечищенные ботинки с носками я нашел под кроватью. Выпрямившись и дотянувшись через кровать до окна, отодвинул занавеску. За окном была ранняя весна во всем

своем великолепии. Солнце, яркое, густо-синее небо, ноздреватый, уже с наметившимися прогалинами, лежавший на земле, снег. Пару минут полюбовавшись простой и незатейливой для взгляда нормального человека картиной, я отвернулся от окна и сев на кровать, стал анализировать.

«Железная кровать, опасное лезвие, кальсоны, старорежимные фасоны пальто и пиджака. Плюс тело другого человека. Все это говорит о том, что меня куда-то забросило. Фантастика. То есть мне предложили другую жизнь. За что, интересно? Просто так ничего не бывает. Или есть какая-то высшая справедливость? Не знаю. Хочется верить... Все! Определяемся с местом, а там уже будем решать как себя вести».

Поразмыслив подобным образом, я решил, что самый простой способ узнать, куда меня забросило – одеться и пойти прогуляться. К этой мысли меня подтолкнула висящая на вешалке одежда.

Моя палата находилась в одном конце длинного барака, рядом с хозяйственными помещениями, а вторую его половину, как мне стало известно позже, занимал временный изолятор для инфекционных больных. Пройдя темным коридором, я толкнул дверь, а в следующее мгновение яркое солнце ослепило меня, а резкий и холодный ветер заставил поежиться. В мелкой луже возле деревянного порога, схваченной утренним морозцем, блестела корка льда.

«Даже не помню, когда сам выходил на улицу. Наверное, в восемь-девять лет... А хорошо-то как!»

Глубоко вдохнув в себя сырого весеннего воздуха, я сошел со ступенек. Передо мной высилось четырехэтажное каменное здание больницы в виде укороченной буквы «П», с левой стороны которого, вдоль забора, располагался мой барак. Со своего места мне был виден флигель у широко распахнутых ворот. В десяти метрах от меня два бородатых мужика разгружали дрова из телеги, стаскивая их в полуподвальное помещение центрального здания больницы. Лошадь, запряженная в телегу, скосила на меня карий глаз, потом фыркнула и опустила голову. От людей и лошади пахло как-то необычно. Уже позже я понял, что это была смесь лошадиного пота, махорки и дегтя, но сейчас смог различить лишь запах дерева. Обойдя телегу, я неспешно направился к воротам, а добравшись до середины двора, остановился и осмотрелся. Массивное здание больницы с колоннами напоминало мне, виденные в исторических фильмах барские усадьбы, украшенные лепниной и рельефными колоннами. Широкая лестница вела к большой желтой двери с медными блестящими ручками. Затем мое внимание сместилось на одноконный экипаж с кучером. Сознание сразу отметило непривычные для меня детали: густая борода, лежащая поверх длинного тулупа с большим воротником, валенки и зимнюю шапку мехом наружу. С минуту разглядывал непременный атрибут исторических фильмов, а уже в следующее мгновение мое внимание привлек человек, садившийся в этот экипаж. На нем было надето длинное пальто с широким меховым воротником и шапка, а в руке он держал саквояж. Я почему-то сразу решил, что это врач. Только он уселся, как кучер как-то особенно звонко хлопнул вожжами и вскрикнул: «Но, милая, трогай!»

Под цокот копыт и скрип деревянных полозьев по схваченному легким морозцем подтаявшему снегу экипаж направился к воротам. Невольно проводив его взглядом, я неожиданно подумал, что пора прекратить сравнивать виденные кадры из исторических фильмов с окружающим меня миром.

«Будем исходить из того, что есть. Из фактов. Если судить по тому, что видел, то меня, похоже, угораздило попасть в прошлое России. Или ее альтернативный вариант. Вот только почему в этот период истории? Хм. Думаю, что на этот вопрос я вряд ли когда-нибудь получу ответ».

Мое спокойное восприятие переноса в прошлое, которое должно было вызвать сильнейший эмоциональный шок у любого человека, было основано не только на эмоциях, находящихся под контролем, но и на прагматизме данной ситуации. В той моей жизни у меня не

было будущего, и я ничего не терял там, оказавшись здесь. Вторая причина являлась основной и главной – этот мир подарил мне новое, здоровое тело, и уже поэтому я был готов его принять. Получить здоровое, полное сил тело после стольких лет неподвижного лежания на больничной койке – вот это величайшее чудо из чудес! Я радовался всему: упругой ходьбе, движениям рук, поворотам головы. Вынырнув из захвативших меня мыслей, я двинулся дальше. Обогнув еще одну телегу с дровами, въезжавшую во двор больницы, вышел на улицу. Кое-где из-под утоптанного и подмерзшего снега проглядывал серый камень брусчатки. По обеим сторонам улицы двух-трехэтажные дома. Мне они показались непривычными по виду. Глаз не режет, но чувствуется в них что-то тяжеловесное и вычурное. Гипсовые гербы, фигуры кариатид, массивное и в то же время ажурное плетение оград и ворот, завитушки на дверных ручках и дверных молотках. Людей было немного. Скользнул взглядом по двум мужчинам, идущим по противоположной стороне улицы. На них были надеты шапки, сапоги, мешковатые штаны и плотные куртки, похожие на обрезанные пальто.

Вдруг неожиданно раздался звон колоколов. Женщина, шедшая по моей стороне улицы, остановившись, начала креститься на видневшиеся над домами церковные купола. Посмотрел в ее сторону. Молодая женщина с круглым, румяным лицом, одетая в приталенное пальто, которое выгодно облегалo ее пышную фигуру. Выглядывавшие из-под пальто края длинного платья колыхались у самой земли. Она, видно, заметила мой интерес к ней, потому что, когда пошла дальше, то не замедлила бросить на меня быстрый кокетливый взгляд, но я не ответил на него, а развернувшись, уже шел на звуки большого города. С каждым шагом они становились все сильнее, но, только выйдя на широкий бульвар, я смог разделить их по роду местного транспорта. Стук и грохот деревянных колес телег, шуршание прорезиненных шин экипажей, ржанье и цокот копыт лошадей, сигналы клаксонов, лязг и пронзительные звонки трамваев. Мне сразу подумалось, что к подобному сочетанию звуков еще придется привыкнуть, но стоило мне пробежать глазами по идущим мимо людям, как меня заполонили новые впечатления. Зимние шапки, широкие и тяжелые пальто с меховыми воротниками, изящные женские пальто с лисьими воротниками, кокетливые меховые шапочки, женские руки, засунутые в муфты, трости в руках мужчин. Непривычно было видеть бороды и усы почти у каждого второго мужчины. В толпе также было немало людей в форме. Офицеров можно было сразу отличить по золотистым погонам, портупее и шашке, а вот люди в шинелях темно-синего и темно-зеленого цвета поставили меня в тупик, и только разглядев у них в петлицах и на кокардах эмблемы, наподобие скрещенных молоточков, предположил, что это инженеры.

Проезжавшие мимо машины, дымя, оставляли за собой резкий бензиновый запах, от которого фыркали и мотали головой лошади. Вдруг неожиданно раздался резкий и пронзительный звонок, заставивший меня повернуть голову в его сторону. Как оказалось, это электрический трамвай звонком расчищал себе дорогу, которую ему преградил зазевавшийся мужик, ехавший на телеге. Какое-то время я вместе с другими зеваками наблюдал, как возчик, испуганно тараща глаза и смешно надувая щеки, нахлестывает свою лошаденку, стараясь поскорее убраться с трамвайных путей. Стоило трамваю продолжить путь, как мое внимание привлекли уличные торговцы, сновавшие в толпе. Таская подвешенные на груди лотки, они весело и задорно кричали во все горло, зазывая покупателей:

– Пирожки, горячие!! С пылу, с жару!! Хватай сразу пару!! Папиросы «Пушка», «Дукат», «Заря»!! Налетай, не робей, разбирай веселей!!

Несколько минут хватило, чтобы удовлетворить свой интерес, после чего снова бросил взгляд по сторонам, но теперь внимание уделил вывескам и товару, выставленному в витринах магазинов.

«Молочная торговля от финских и эстляндских ферм». Солидно звучит. «Булочная – кондитерская. Свежий хлеб, булочки, пирожки, пирожные. На все вкусы». Дальше – «Бакалея, мануфактура и прочие колониальные товары». О! Винно-водочный магазин! Только название

у него какое-то нерусское. «Латипак». А! Теперь понятно. Так это сокращенное название акционерного общества... А это...

– Свежие новости! Свежие новости! – пронзительный и звонкий голос мальчишки-газетчика, врезавшись в городской шум, заставил меня оторваться от чтения вывесок. – Подвиг казака Степана Тамцова!! Герой взял в плен десять германцев!! Георгиевский кавалер Сергей Долматов снова награждён Георгиевским крестом!! Выказывая пример мужества и храбрости, он уничтожил неприятельский пост!! Покупайте газету!! Самые свежие новости с фронтов!! Покупайте газету!!

«Война с Германией?! То есть первая мировая война? Так-так-так. Интересно, какой сейчас год?»

Подойдя к мальчишке, который сейчас брал деньги у молоденького офицера, я бросил быстрый взгляд на верхний газетный лист. Резко бросились в глаза крупные буквы: «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВЪДОМОСТИ» и дата «1915 годъ».

– Берете, барин?!

Отрицательно покачал головой. Мальчишка резко развернулся и побежал по улице, стуча разбитыми ботинками и размахивая газетой:

– Самые свежие новости с фронтов!! Подвиг казака Степана Тамцова!! Герой взял в плен...!!

Каким-то образом год, отпечатанный на желтой газетной бумаге, снял с меня налет эйфории, заставив ощутить себя чужаком в совершенно незнакомом для меня мире. Страх и растерянности не было, но чувство тревоги и настороженности поставил организм на «взвод», наверное, поэтому я резко и зло среагировал на чужую руку, шарящую в кармане моего пальто. Схватив ее у запястья, резко развернулся к вору. Им оказался шуплый паренек лет двенадцати – тринадцати, с худым лицом и бегающими глазами, одетый в рваную куртку, из прорех которой торчали клочки ваты, серые бесформенные штаны и разбитые ботинки.

– Пусти, дяденька! Я ничего...

В следующую секунду воришка, получив полновесную затрещину, катился по булыжной мостовой. Проходившая мимо молодая женщина в сером пальто и ярком платке, повязанном на голове, увидев концовку сцены, вскинулась на меня возмущенно:

– Ирод окаянный! Что ж ты над мальчонкой издеваешься! Креста на тебе нет!

Молодой парень, одетый в папаху и тулуп, сидевший на телеге, стоявшей у обочины, неожиданно вступился за меня:

– Чего разоралась, молодка! Это ему за дело! Крысеныш хотел у господина кошелек спереть!

Женщина, смутившись, негромко сказала:

– Так не бить же его в кровь, а городского надо было кликнуть.

Парень засмеялся:

– Так он и прибежит! Вот ежели ты юбки свои повыше задерешь, то тогда мигом примчится!

Судя по вспыхнувшему ярким румянцем лицу и разом насупленным бровям, грубая шутка всерьез задела женщину:

– Ах, ты ж черт бесстыжий! Ты своей женке юбки задирай, а на чужих не заглядывай!

Воришка тем временем вскочил и бросился бежать под возгласы и улюлюканье уже собравшейся вокруг нас небольшой группы зевак. Стоило ему исчезнуть за углом, как внимание любопытных сразу переключилось на перепалку возчика и женщины.

Я повернулся и пошел по улице. Меня уже не интересовал окружающий мир – я задумался о своей довольно жесткой реакции.

«Отреагировал инстинктивно. Так, может, сработала мышечная память бывшего хозяина тела? Пусть так. Но теперь в любом случае пора ставить вопрос: что ты за человек?»

Прежде в этом не было нужды, да и глупо заниматься изучением своих наклонностей человеку, чей мир был ограничен больничной койкой и не имел будущего. Только вот сейчас все изменилось.

«Знания, интересы, эмоции. Все это придется проанализировать и понять, что пригодится, а что нет. Пока можно только сказать, чего у меня нет. Жизненного опыта и специальных знаний. Возможно, мне сможет помочь бывший хозяин тела. Хм. Впрочем, чего гадать на пустом месте? Будут факты – будем работать».

Спустя полчаса, немного поплутав по улочкам, я наконец вышел к больничным воротам. Немного изменилось во дворе за время моей прогулки. Разве только уехала телега, с которой разгружали дрова, да около флигеля коренастый и бородатый мужчина, одетый в штаны, заправленные в сапоги, и телогрейку, с громким хеканьем рубил дрова. В ожидании у лестницы главного корпуса стоял экипаж, на облучке которого сидел кучер в тулупе. На верхних ступеньках лестницы стоял врач в белом халате. Он курил папиросу и, видно, рассказывал нечто смешное женщине, одетой в ярко-желтое пальто, потому что с ее лица не сходила веселая улыбка. У самых ворот шаркал метлой дворник. Поверх мешковатого, явно не по росту, пальто, на нем был надет длинный передник, а на груди тускло блестела бляха. Пройдя мимо него, я направился к своему барaku. Я находился в двух шагах от входной двери, как та вдруг резко распахнулась и на порог выбежал долговязый мужчина в белом халате. Чтобы не столкнуться с ним, сделал шаг в сторону, но врач, увидев меня, на мгновение замер, затем, радостно всплеснув руками, обратился ко мне:

– Сергей Александрович! Голубчик! Как вы нас напугали! Думали опять... – но наткнувшись на мой вопросительный взгляд, вдруг замолчал и стал с какой-то тревогой вглядываться в меня.

– С вами что-то произошло?!

Я неопределенно пожал плечами.

– Вы сегодня какой-то не такой, Сергей Александрович. Сами вернулись.

– Конкретнее сказать можно, доктор?

– Конкретнее... Это вы мне сейчас сказали? Вы... Вы понимаете, что говорите?! Да вы...! – лицо доктора от волнения пошло пятнами.

– Что вы так переживаете! Да, я вернулся и стою, здесь, перед вами.

– Вы... Когда с вами случаются приступы, вы становитесь потерянным... Теперь... теперь я чувствую себя... потерявшимся. Смешно, да? Бог ты мой! Вы пришли в себя! Сергей Александрович, вы помните, что чувствовали, перед тем как прийти в себя?! Это очень ценно! Для медицины! Для науки! Вспомните, пожалуйста, голубчик!

– Нет. Ничего такого не помню. А что со мной такое, доктор?

Растерянность врача была настолько явной, что меня она даже несколько позабавила. У меня был богатый опыт общения с людьми в белых халатах, теперь только оставалось им воспользоваться, пустив беседу в нужное русло, и тогда информация потечет сама собой. Таким образом в свое время мне удалось выудить немало информации о своей болезни от молодого, но очень тщеславного доктора, который собрался сделать на мне диссертацию.

– Вы как-то странно говорите. Где вы были?!

– Гулял.

От этого простого слова доктора чуть кондрашка не хватила. Он покраснел и тяжело задышал.

– Погодите! Так к вам вернулась память?!

«Амнезия. То, что и требовалось!»

– Знаете... трудно так сказать, – я попытался изобразить на лице мучительное раздумье. – Где-то помню, а что-то... словно черный провал.

Врач смотрел на меня с нескрываемым удивлением.

– Странно как-то это все, – протянул он. – С подобным феноменом медицина еще не сталкивалась. По крайней мере, о таких случаях мне ни читать, ни слышать не доводилось.

– Может, мы все-таки зайдём в помещение, а то вы в халате. Не май месяц, того и гляди – простудитесь.

Какое-то время он ошеломленно смотрел на меня, потом словно бы очнулся и сказал растерянно:

– Да. Да! Вы правы. Идемте!

Мы, наверно, минут пять сидели в его кабине в полной тишине. Я пытался вспомнить, что знал о потере памяти, а врач, вглядываясь в меня, похоже, пытался понять с медицинской точки зрения, что сейчас произошло. Видно, у него это не получалось, судя по его обескураженному взгляду и словам:

– Даже не знаю, что сказать. У меня такое ощущение, что мы с вами поменялись местами. Гм! Скажите, как вы ощущаете... окружающий вас мир?

– Как чужой и в то же время знакомый. Чувство одиночества и какой-то размытой опасности. Мне известно, что вы доктор. На вас надет белый халат. Только вот ваше лицо вижу впервые, так же как не знаю вашего имени-отчества. Не знаю, где я нахожусь.

– Этого просто не может быть... потому что, так не бывает, – произнес доктор растерянно. – Если судить по вашим словам, ваш мозг каким-то образом частично, можно даже сказать выборочно, восстановил свою работоспособность. Но это больше похоже на чудо! Не знаю... Просто не знаю, что предполагать и что думать!

Какое-то время мы снова провели в молчании, затем врач меня спросил:

– Когда вы пришли в себя, что вы сразу вспомнили? Или это была ассоциация с чем-то?

– Да. Была тонкая-тонкая ниточка. Она какую-то секунду была натянута до предела, а затем лопнула, – это не было попыткой запутать доктора, потому что я говорил правду. Именно это ощущение было последним пронзительно-ярким воспоминанием, оставшимся от той жизни.

– Ваши слова, голос, выражение лица... Вы это так сказали, что я ее тоже увидел. Она держала вас в темноте, а лопнув, вернула вас к жизни. Знаете, Сергей Александрович, такой беспомощности, как сейчас, я еще никогда не ощущал. На моих глазах случилось нечто, способное перевернуть все наши знания о мозге человека, а я это не могу объяснить. Даже просто не могу понять, что и как с вами произошло!

– Извините. Вы не могли бы представиться?

– Господи! Это вы меня извините. Николай Никандрович Плотников. Приват-доцент и заведующий неврологическим отделением больницы. Вы, наверное, хотите узнать о себе?

Спустя полчаса мне стало известно, что артиллерийский подпоручик, воевавший чуть ли не с первого дня на фронте, в бою получил ранение головы, которое вызвало не только потерю памяти, но и непонятные приступы, заставлявшие его время от времени отправляться в необъяснимые медицинской науке путешествия.

Отец, дворянин, отставной офицер и помещик, умер за два года перед первой мировой войной. Мать проживает в поместье, где-то под Тулой. Младшая сестра заканчивает здесь, в Санкт-Петербурге, институт благородных девиц. Сам же, Сергей Александрович Богуславский, пошел по пути отца, закончив с отличием Михайловское артиллерийское училище. Спустя месяц после выпуска началась война. При разрыве австрийского снаряда получил двойное ранение. В плечо и в голову. Воевал подпоручик Богуславский неплохо, раз был награжден орденом св. Анны 4-й степени. Правда, за что именно, доктор не знал, как и многое другое, но это и понятно, ведь лечащего врача больше интересовала болезнь человека, а не его биография.

Это было все, что мне удалось выжать из доктора Николая Никандровича Плотникова, как я уже потом узнал, милейшего человека и истинного последователя клятвы Гиппократ.

Теперь надо было разложить полученную информацию по полочкам и понять, как ей лучше воспользоваться.

Доктор, закончив свой короткий рассказ, снова засыпал меня вопросами о том, что помню, как себя чувствую, но когда понял, что больше ничего нового не добьется, растерянно замолчал. Воспользовавшись паузой, я поинтересовался возможной выпиской, на что он замалчивал руками и сказал, что об этом еще рано говорить. Две недели стационара, как минимум, так как столь необыкновенный феномен требует тщательного наблюдения. Меня такой расклад вполне устраивал, так как давал время осмотреться в новом для меня мире.

– ...затем, батенька, на основании моего заключения вас должна будет освидетельствовать военно-медицинская комиссия. Никак не иначе. Вы же военный. Уж как она решит, милейший Сергей Александрович, так и будет.

– У меня еще один вопрос. Скажите, Николай Никандрович: раз я офицер, то почему лежу здесь, а не в военном госпитале?

– Вы там лежали до того дня, пока вам не поставили диагноз: неизлечим. Чисто случайно узнав о вашем случае, я приложил все усилия, чтобы перевести вас к нам, хотя главный врач был против. Пришлось настоять.

– Спасибо вам, доктор!

Всю последующую неделю я старался проникнуться жизнью человека России образца тысяча девятьсот пятнадцатого года. Читал подшивки газет, разговаривал с медперсоналом и больными. Недоумение, появлявшееся на лицах моих собеседников от моих наивных вопросов, сразу рассеивалось, стоило им намекнуть о потере памяти. Бессовестно пользуясь этим, я старался как можно больше накопить информации, при этом старательно изучая речевые обороты, а также запоминал, а то и заучивал, новые для себя понятия, выражения и слова. Когда мне хотелось расслабиться, пролистывал рекламу, которой было полно в местных газетах. С точки зрения современного человека все эти объявления были написаны настолько простодушно, с таким неприкрытым восхвалением товара, что они поневоле читались, как забавные рассказы.

Первым резким диссонансом в моей новой жизни стало неожиданное появление «сестры». В воскресенье, ближе к обеду, в мою палату неожиданно вошла симпатичная девушка и села у кровати. С минуту, молча, смотрела на меня, а потом начала говорить:

– Здравствуй, милый Сережа. Пришла рассказать тебе новости и передать привет от маменьки. К доктору я сегодня не заходила, но, думаю, ничего нового о тебе не расскажет, ведь ты по-прежнему лежишь на больничной койке. Посмотри, я принесла тебе твоих любимых бубликов и пирожное. Помнишь, мы их ели во французской кофейне на Невском, перед твоей отправкой на войну. Господи, как давно это было! Временами мне кажется, что вся наша веселая и яркая жизнь осталась в далеком прошлом. Почему все так случилось, Сережа?! Когда ты уходил, то сказал, что не пройдет и полгода, как вернешься домой героем. Вернулся. И кем? Как мы теперь будем жить, милый братик?

Ее глаза наполнились слезами. Покопавшись в сумочке, она достала кружевной платочек и стала промокать глаза. Я напрягся, не зная, что сказать, так как мой жизненный опыт ничего не мог подсказать, манеру поведения с девушкой и к тому же с «моей» сестрой.

Когда спустя несколько минут девушка успокоилась, я облегченно вздохнул. Какое-то время мы молчали, а потом Наташа продолжила:

– Знаешь, Сережа, на прошлой неделе на балу я познакомилась с молодым человеком. Он такой веселый и так интересно рассказывает! Его зовут Алексей, и он служит по почтовому ведомству. Знаю, что ты скажешь! Настоящий мужчина должен быть военным. А я вот тебе так отвечу: как насчет тебя? Где тот мужчина?

Ее голос перехватило, а глаза снова повлажнели.

«Хм. Деваться-то некуда, надо представляться и налаживать отношения».

– Может, хватит сырость разводить, сестренка?

При моих словах та неподвижно застыла. С минуту смотрела на меня широко раскрытыми от изумления глазами.

– Сережа?

– Да, Наташа. Да. Доктор меня вылечил. Правда, частично. Памяти нет, зато все понимаю.

– О, чудо! Доктор... Сережа!

Сначала она задохнулась от полноты чувств, потом вскочила на ноги и бросилась обнимать меня. В этот самый момент появился доктор.

– Наталья Александровна, голубушка! Что же вы ко мне сначала не зашли?! Вы на себя посмотрите! Как вы разволновались! Ну-ка глубоко вздохните, а затем медленно выдохните. Еще раз. Может, сестру позвать, пусть вам валерьянки накапает?

– Нет, Николай Никандрович! Не надо! Это все чувства! Спасибо вам, дорогой наш доктор! От себя и нашей маменьки! От всей души! Не знаю даже, как мы вас сможем отблагодарить! Боже мой! Радость-то какая!

– Да успокойтесь вы! Видите ли, память Сергею Александровичу до сих пор не вернулась...

– Так вернется же! Как и сознание! Сережа уже все понимает и говорит внятно! Он вернулся из того мрака, в который был погружен долгие месяцы! Это главное! Я верю, что он на пути выздоровления, так же как верю в вас, славный доктор! Вы можете! Вы уже один раз доказали!

В ее голосе было столько убежденности и веры, что на лице доктора появилась смущение, причем не показное, а настоящее.

После ухода сестры я стал думать о том, что мне теперь придется, как ни крути, а соответствовать роли брата. Весь мой опыт общения с девушками имел чисто созерцательный характер. Все, что мне было известно, было взято из книг или интернета, а как оно на самом деле, приходилось додумывать самому. Впрочем, первый урок в обращении с женщинами мне дали уже через пару дней.

После ужина я лежал на кровати, как ко мне в палату неожиданно вошла сестра-хозяйка нашего барака. Миловидная женщина, лет тридцати пяти – сорока. Высокая грудь, мягкие, округлые руки, ямочка на подбородке. Мне уже приходилось сталкиваться с ней. Даже как-то мельком слышал, что у нее мужа недавно убили на германском фронте.

Она решительно вошла, хлопнув дверью, но сделав пару шагов, вдруг неожиданно остановилась. Сев на кровати, я с недоумением посмотрел на нее, но уже в следующий момент почувствовал, как от нее сильно пахнет спиртным. Некоторое время мы смотрели друг на друга, потом она, краснея, произнесла тихим голосом:

– Господи, что я делаю?

Ее слова объяснили мне, зачем она здесь. Я видел, что она смущена, растеряна и уже начала сомневаться в правильности своего поступка, но упускать подобный шанс я не собирался. Мне хотелось узнать, что такое близость между мужчиной и женщиной. Я несколько замешкался. Причем дело было не в стеснительности, да и как ее может испытывать человек, чье тело в течение последних пяти лет обмывали чужие руки, а в полном отсутствии опыта общения с женщинами. Подойдя к ней, я сказал первое, что пришло на ум:

– Вы красивая, Варвара Тихоновна.

– Я...

Чисто инстинктивно я почувствовал, если прямо сейчас не удержу ее, то она просто развернется и уйдет.

– Хочу тебя. Сильно и страстно.

Эта фраза была единственной, что пришла мне сейчас в голову. Я замер в ожидании ее реакции, но женщина, услышав мои слова, только тихо ахнула и густо покраснела. Не давая ей опомниться, я обнял ее и впился ей в губы долгим, требовательным поцелуем. Она напряглась, упершись руками мне в грудь, но уже спустя минуту ее тело обмякло и губы ответили на мой поцелуй. Чуть отстранившись, я скользнул губами по ее щеке и стал целовать в шею. Она чуть слышно произнесла:

– Господи. Что вы со мной делаете? Пожалейте...

В следующее мгновение наши губы слились в страстном поцелуе. Когда мы оторвались друг от друга, она тихо произнесла:

– Вы только не подумайте... Я не такая....

– Ничего не надо говорить.

Положив руку ей на грудь, я даже под плотной тканью почувствовал, как набухает сосок. Она попыталась отшатнуться, но я не дал. Спустя минуту короткий стон вырвался из ее пухлых губ, а уже в следующее мгновение, закинув руки мне на шею, она стала меня жарко целовать.

У меня не сразу все получилось, чем я немало удивил женщину, видно, ожидавшую от мужчины большего опыта в любовных играх, но когда после третьего раза, мокрая от пота, она откинулась на подушки, то в ее взоре читалось нечто похожее на восхищение. Мне хотелось еще. Жадно глядя на нагое тело, я стал гладить полную грудь. Наши глаза встретились.

– Саша. Сашенька, ненасытный ты мой, – повернувшись, она прижалась ко мне всем своим телом и тут же смутилась, почувствовав, как начало подниматься мое мужское естество.

В эту ночь мы так и не заснули. На следующий день я попытался найти ее и вскользь поинтересовался ее отсутствием, как мне вдруг сказали, что она здесь больше не работает, а вчера приходила в больницу, для того чтобы попрощаться, так как с санитарным поездом уезжает на фронт.

«Вон оно как. Жаль, конечно...»

Когда утром медсестра сказала, чтобы я явился к доктору Плотникову, у меня даже и тени сомнений не было, что разговор пойдет о выписке, но, как оказалось, интерес к моей особе был вызван совершенно другим обстоятельством.

– Сергей Александрович, здравствуйте! Гм! У меня к вам... скажем так, приватная беседа.

– Слушаю вас, Николай Никандрович.

– Дело в том, что я вас, голубчик, долго наблюдал. Дважды вас обследовали мои коллеги, которые пришли к тому же выводу, что и я: этого просто быть не может. Вчера мы собрали консилиум и спустя несколько часов пришли к единому мнению: мы не знаем, что с вами произошло. Это выходит за пределы наших знаний о человеческом мозге, Сергей Александрович. Гм! Правда, можно еще сказать и так: чудо, господа! Кстати, так заявил вчера на нашем совещании мой коллега, Тихомиров Валентин Владимирович. Он также сделал предложение пройти у него в клинике обследование...

– Извините, что перебиваю, но больше лежать не хочу!

Доктор понимающе покивал головой:

– Я ему так вчера и сказал. Собственно это все, Сергей Александрович. Завтра мы вас выписываем. Да-с. Погодите, что-то еще... Ага! Во вторник вы должны присутствовать на военно-медицинской комиссии, – он покопался в бумагах на столе, вытащил лист и подал мне. – Вот уведомление. Прочитайте и распишитесь.

– Это все?

– Да. Это все. Физически и умственно вы полностью здоровы, если можно так говорить о человеке, превосходящего силой троих людей.

– Почему троих?

– Тут у нас, рядом с воротами больницы, как-то телега застряла. Загородила проезд. Ни выехать, ни проехать. Послали на помощь вознице истопника и дворника. Стали вдвоем вытаскивать телегу, а та – ни в какую! Тут вы во дворе появились. Видно, сестра недоглядела, вот вы и отправились в свое очередное путешествие. Я как раз стоял у лестницы главного здания в ожидании извозчика и вдруг увидел вас. Сначала вы остановились и смотрели, а затем неожиданно подошли к телеге, отодвинули мужиков в сторону, после чего схватили ее за задок, подняли и переставили на другое место. Вот как! После этого случая как-то поинтересовался у вашей сестры, где вы взяли такую силушку, и она рассказала о вашем, с самого детства, увлечении французской борьбой, английским боксом и атлетической гимнастикой. Вот такой вы силач, Сергей Александрович!

Выйдя из кабинета Плотникова, я отправился к себе в палату, но стоило мне открыть дверь, как увидел сидящую на кровати сестру. Неожиданность заключалась в том, что воспитанницы пансиона могли покидать его стены только в воскресенье, а сегодня был четверг.

«Что-то случилось? – я взглянул в лицо девушки. Оно было взволнованным, бледным, но не заплаканным. – Значит, ничего страшного».

– Здравствуй, сестренка! Что случилось?

– Сережа! Мама прислала вчера письмо! Она хочет, чтобы я как можно быстрее приехала к ней!

– Зачем? У нее что-то со здоровьем?

Наташа отрицательно замотала головой, словно маленькая девочка, а потом тихо сказала:

– Она нашла мне жениха.

Ее слова поставили меня в тупик. Я смотрел в большие карие глаза девушки и просто не знал, что сказать. Это хорошо или плохо? Утешать или поздравлять?

– Гм. А... ты его знаешь?

– Познакомились в прошлом году, когда я приезжала на каникулы.

Она замолчала. Ее поведение совсем не походило на поведение прежней жизнерадостной разговорчивой девицы.

– Он что старый или уродливый?

– Ему тридцать три года. Он не уродливый. Обычное лицо.

Ее вид и голос говорили об одном: он ей не нравится.

– Гм. Так что прямо сейчас свадьба будет?

– Какой ты смешной, Сережа! Сначала будет помолвка, а уже потом свадьба! Ты что забыл: у меня выпуск только через четыре месяца! Я буду уже совсем взрослая! – она улыбнулась своим словам, но потом снова поскурилась.

– Так ты сейчас едешь на помолвку?

Сестра сделала несчастное лицо и сказала:

– Да. Мама очень хочет тебя видеть и просила, чтобы ты меня сопровождал, если не будет ущерба твоему здоровью.

– Наташа, у меня на следующей неделе военно-медицинская комиссия. Никак нельзя не явиться.

– А я так на тебя рассчитывала, – девушка погрузилась еще больше. – Ладно. Но ты хотя бы меня на вокзал проводишь?

– Думаю, да. Нет, точно провожу. Скажи, а ты как-то обмолвилась о молодом человеке. Ты с ним как... – я специально сделал паузу.

– Как ты мог так обо мне подумать!

Лицо девушки вспыхнуло красным густым цветом.

– Эй! Я же ничего такого не хотел сказать! Просто хотел узнать: ты с ним видишься?

Сестра опустила голову и тихо сказала:

– Да. Дважды. Мы гуляли с ним по городу.

– Он тебе нравится?

– Не... знаю.

Девушка была в явном смущении, а значит, здесь были замешаны чувства. Что делать? У меня не было ответов на подобные вопросы, потому что даже у этой девчонки было больше жизненного опыта, чем у меня, поэтому мне пришлось сделать умный вид и изобразить, что думаю над тем, как ей помочь. Наташа уже оправилась от смущения и сейчас смотрела на меня в надежде, что я помогу найти ей выход. Дальше молчать было уже неудобно, поэтому я спросил ее:

– Так ты не хочешь ехать?

– Не хочу, но не поехать – значит огорчить маму.

– Тогда... может, тебе заболеть?

– Ты думаешь, что так будет правильно?

– Не знаю. Я только в одном уверен, что человек, будь он мужчина или женщина, должен быть хозяином своей судьбы. У него должен быть выбор.

Наташа некоторое время изучала мое лицо, потом опустила глаза и задумалась. Ее пальцы автоматически стали разглаживать платье на коленях. Наконец она сказала:

– Даже не знаю. Мама может написать письмо хозяйке пансиона, мадам Жофре, и тогда все откроется. Мне очень не хочется причинять ей хоть какую-то боль, Сережа. Ей и так трудно без папы.

Я вспомнил измученные внутренней болью глаза своей матери, и у меня невольно вырвалось:

– Забудь мой совет. Мама – это... святое.

Еще пара минут прошла в молчании, потом сестра встала, отвернувшись и некоторое время смотрела в окно.

– Я еду завтра пятичасовым поездом. Приезжай к четырем часам, к пансиону. Буду ждать тебя.

Сказав, она повернулась, затем подойдя ко мне, поцеловала в щеку (так она делала каждый раз) и пошла к двери.

– До завтра, братик.

– До завтра.

Она ушла, а я продолжал смотреть на закрытую дверь, так как ее приход дал толчок моим мыслям в новом направлении. Удачное начало моей новой жизни теперь мне таким не казалось. У меня была сестра и мать. Со всеми их проблемами. И от этого никуда не деться.

Встал с кровати и стал смотреть в окно. Небо было затянуто серыми тучами, из которых сыпал мелкий, противный дождик. Несколько минут неподвижно стоял и смотрел на унылую картину заброшенного сада, пока не пришел к мысли:

«Не торопи события, парень. Все придет само собой».

Глава 2

Во вторник я предстал перед военно-медицинской комиссией, которую, к некоторому моему недоумению, почему-то возглавлял не военный медик, а старенький генерал – артиллерист. Согласно двум представленным комиссии медицинским заключениям, окончательный вердикт был однозначен: к военной службе подпоручик Богуславский Сергей Александрович не годен.

На комиссии я был в офицерской форме. Мне нравилось ее надевать. Скрипящая кожа ремней, золото погон, блеск стали офицерской шашки. Все это давало мне возможность чувствовать себя мужчиной, умеющим самому решать свои собственные проблемы.

«Пусть это не мое, – думал я, глядя на свое отражение в офицерском мундире, – но кто тебе мешает стать таким же».

Вживаться в роль офицера мне в немалой степени помог Плотников, принеся книгу – своеобразный свод нравучений офицеру, определяющий правила его поведения на службе и в общественных местах, а также подписку журналов «Офицерская жизнь» за 1913–1914 годы. Естественно, что за столь короткое время мне не удалось приобрести настоящей выправки кадрового офицера, но зато я научился разбираться в званиях и чинах, щелкать каблуками, отдавать честь, при ходьбе придерживать шашку рукой и правильно носить перчатки.

Спустя неделю после комиссии мне пришло письмо-приказ: явиться в Военное министерство за официальным свидетельством об отставке. Прибыв и получив бумаги, я принялся их изучать. При прочтении заинтересовался такой фразой: «...согласно определенному военно-медицинской комиссией ранению, как второго класса тяжести, пенсия вам будет назначена в размере 60 % оклада денежного содержания». Далее я прочитал, что, поскольку нахожусь под патронажем Александровского комитета, мне полагается дополнительная пенсия в размере 225 рублей в год. Тут же быстро посчитал в уме, сколько буду иметь в месяц. Оказалось, около 55 рублей.

«Здорово! А на что прикажете жить, господа хорошие?»

Мой скептицизм проявился не просто так. Дело в том, что я уже успел поинтересоваться ценами на съемные квартиры в приличных районах. Они начинались от 18 рублей 50 копеек за комнату, причем платить надо было авансом за месяц вперед.

«Можно, конечно, снять комнату или квартиру в пригороде. Будет почти вполтину дешевле. Или уехать к матери в имение. Так, наверное, поступил бы настоящий Богуславский. Только мне что там делать? Ладно, что у нас там еще за бумаги? О! Хорошая новость! Меня в звании повысили. Теперь я поручик! Так, а это что? Приглашение на бал для раненых офицеров-фронтовиков. Когда? Ага... в эту субботу. Отчего не сходить. Сходим».

Узнав о новом звании, я сразу отправился покупать себе другие погоны, но, узнав, что они мне обойдутся в шесть рублей, решил обойтись одними звездочками. Прикрепил их собственноручно, причем получил при этом немалое удовольствие. Надел мундир, встал перед зеркалом – эх, хорош! В плечах косая сажень, высок, подтянут. Может, это звучит и по-детски, но мне чертовски нравилось быть человеком, чье отражение я сейчас видел в зеркале.

Мое приглашение взял один из двух лакеев, стоящих на входе, мельком пробежал по нему глазами, потом показал рукой в правую сторону от широкой лестницы, ведущей наверх: – Гардероб там, ваше благородие.

Кивнув головой, я пошел в указанном направлении. Народа в вестибюле было немного: сдающий шинель румяный подпоручик, с рукой на перевязи, и у большого зеркала стояла с матерью прихорашивающаяся девушка в розовом платье. Сдав шинель, я пошел вслед за ними по широкой лестнице, навстречу громкой музыке оркестра, играющего какой-то бравур-

ный марш. Не успел я подняться, как ко мне подошла женщина в пышном платье желто-лимонного цвета. Большие серые глаза, рыжеватые волосы, полноватая фигура, но еще не потерявшая изящества форм – портрет женщины, которой далеко за сорок лет.

– Господин поручик?

– Сергей Александрович Богуславский. Прибыл по приглашению.

– Мария Степановна Селезнева. Член женского комитета «Женщины – Отечеству», который организовал этот благотворительный бал. Прошу вас, идите за мной, Сергей Александрович.

Она повела меня по залу, заполненному людьми. Отсветы громадной люстры, висящей под потолком, играли на золоте погон, драгоценностях дам и начищенной меди оркестровых инструментов. Продвигались мы очень медленно, потому что моей провожатой постоянно приходилось отвлекаться, здороваясь или отвечая на вопросы окружающих нас людей. Наконец мы оказались у длинного стола, стоявшего на правой стороне зала. На нем, в связи с сухим законом, стояли только бутылки с лимонадом, фруктовой водой и сельтерской содовой, в окружении множества блюд и тарелок с различными холодными закусками. Как я успел заметить, такой же стол стоял у колонн с левой стороны зала.

– Сергей Александрович, сейчас я вам кратко изложу программу нашего вечера. В половину восьмого... – тут она посмотрела на изящные часики, – через пятнадцать минут краткую речь произнесет глава нашего комитета Анастасия Александровна Шумнина, затем будет молебен во славу победы нашего оружия. После чего будут танцы. Буфет с закусками перед вами. У вас есть ко мне еще вопросы?

– Никак нет.

– Тогда, с вашего разрешения, я буду вынуждена покинуть вас.

– Не смею задерживать вас, Мария Степановна. И большое вам спасибо.

Женщина мягко улыбнулась и пошла к группке женщин, которые с нетерпением поглядывали в нашу сторону. Какое-то время я осматривался. Большая часть офицеров-одиночек находились у столов с закусками, в то время как семейные офицеры, объединившись в группы, вели оживленные беседы. Сразу отметил, что офицеров, которых можно было отнести к раненым, на мой взгляд, было немного.

За моей спиной неожиданно раздался мужской голос:

– Поручик, вы выглядите как юнкер, попавший в первый раз на бал воспитанниц пансиона!

Я повернулся. Передо мной стоял штабс-капитан, держащий в руке бокал с лимонадом. Судя по легкому румянцу и чуть мутному взгляду, тот был явно в подпитии. Я снова оббежал глазами стол, но ничего похожего на алкоголь не нашел.

– А если и так?

Офицер озадаченно смотрел на меня, ожидая дальнейших объяснений. Я же со своей стороны посчитал разговор законченным, после чего повернулся к столу и налил себе фруктовой воды. Отпив, стал оглядывать блюда с закусками.

«Чего бы... Балычка или ветчинки? Наверно...»

От выбора меня отвлекла неожиданно наступившая тишина, а затем женский голос громко и решительно произнес:

– Господа и дамы! Прошу вас всех собраться в центре зала, как можно ближе к оркестру!

Когда присутствующие собрались в центре зала, на возвышение взошла женщина с кистистым, резко очерченным лицом, в скромном платье. После короткой, но яркой и эмоциональной речи, которая кончилась под аплодисменты и восторженные крики присутствующих, начался молебен, завершившийся государственным гимном Российской империи. За это время лакеи обновили ассортимент закусок на столах, заменили пустые бутылки и кувшины. Приглашенные окружили столы, а военные оркестранты снова заняли свои места и заиграли вальс.

В центр зала стали выходить одна за другой танцевальные пары. Встав у одной из колонн, я стал наблюдать за танцующими парами, время от времени бросая взгляды вокруг. Неожиданно в поле моего зрения попала молодая и очень даже привлекательная молодая женщина.

«Очень даже ничего. Попробовать познакомиться?»

Но эта мысль явно запоздала, так как к ней уже подходил смазливый капитан с бокалом лимонада. Она приняла его с улыбкой и что-то ему сказала, а я опять продолжил наблюдать за танцами до тех пор, пока не наступил перерыв. Музыка стихла, и разгоряченные танцоры сгруппировались у столов, чтобы утолить жажду. Отойдя от шумливых, возбужденных людей подальше, я вдруг неожиданно обнаружил, стоящую за колонной, замеченную ранее, красивую женщину. Она стояла в одиночестве, обмахиваясь веером.

«Почему бы и нет?»

Подойдя к ней, я спросил:

– Приятный вечер, не правда ли?

Некоторое время она с чуть заметным удивлением рассматривала меня, а потом спросила:

– Мы знакомы?

Сообразив, что нарушил общепринятые правила знакомства, сразу поспешил исправиться:

– Разрешите представиться: поручик Сергей Александрович Богуславский.

Она, как мне показалось, томным голосом сказала:

– Вы не слишком торопитесь, поручик?

Мне было непонятно, что она имела в виду, но тон и эти слова показались мне кокетством привлекательной женщины. Незаметно для себя я перешел на современный язык разговора.

– Не думаю, – ответил я. – Вы красивая, я вроде недурен. Это ли не повод для нашего знакомства?

– Вы за кого меня принимаете, поручик?!

Ее васильковые глаза потемнели от гнева. Нетрудно было понять, что мною совершена ошибка, но в чем она состоит, понять не мог. Попытка разобраться в ситуации заставила меня задать прямой вопрос:

– Что я не так сказал?

– Вы мужлан, поручик!

После чего окатив меня взглядом, полным злости и презрения, неспешно развернулась и ушла. Я посмотрел ей вслед и подумал: «Прямота отношений, похоже, здесь не в чести. Придется подучить правила местного этикета. Ладно. Посмотрел, теперь можно и идти».

Обогнув колонну, я только направился к лестнице, как вдруг наткнулся на изучающий меня взгляд женщины. В нежно-голубом платье, с глубоким вырезом, она выглядела довольно эффектно, несмотря на то, что ее пышная, но не потерявшая стройности, фигура и чуть наметившиеся морщинки у глаз говорили о вполне зрелом возрасте. Какое-то время она пристально смотрела на меня, а затем вдруг жеманно опустила глаза.

«Хм! Вроде, похоже, на нехитрое приглашение к близкому знакомству. Попытка не пытка!»

Призвав на помощь скудные запасы любезных обращений, подойдя, я обратился к даме: – Извините меня, сударыня, за вольность. К сожалению, у нас нет общих знакомых, которые могли бы представить меня вам, поэтому я собственноручно рискнул исправить это недоразумение. Разрешите представиться: Сергей Александрович Богуславский. Боевой офицер. Был ранен, теперь в отставке.

– Александра Станиславовна Запольская. Княгиня. Вдова.

– Извините, как мне к вам обращаться? Ваше сиятельство или...

– Бросьте, поручик. Вы что на дворцовом приеме?!

– Гм! Как вы посмотрите на то, Александра Станиславовна, чтобы покинуть это шумное общество и познакомится поближе, скажем так... в более спокойной обстановке?

– Однако, поручик. В прямоте изложения вам не откажешь. Впрочем, ничего удивительного в этом нет, глядя на вашу попытку знакомства с Машей Крупининой.

– Порицаете?

– Вы, похоже, плохо разбираетесь в женщинах, Сергей Александрович. К каждой из нас нужен свой подход. Вот смотрите. Видите сейчас рядом с Машей смазливый офицерик?

Я бросил быстрый взгляд в их сторону, а затем кивнул головой в знак согласия.

– Так вот, он сейчас будет пожинать плоды ваших необдуманных действий. Вы меня понимаете?

– Понимаю, княгиня, но может, вернемся к разговору о нас. Или я опять действую слишком прямо?

– Скажу вам так, поручик. Я женщина прямая и открытая, а благодаря опыту двух замужеств настолько здраво оцениваю мужчин, насколько это возможно, оставив душевные нюансы институткам. Правда, исходя из моего опыта, мужчины становятся... гм... циниками в более зрелом возрасте, поэтому вы для меня пока являетесь некоей загадкой, которую будет интересно разрешить, – княгиня окинула меня оценивающим взглядом, усмехнулась краешками губ и, вздернув подбородок, сказала: – Идемте!

Мы только успели спуститься по лестнице, как меня остановил резкий возглас:

– Поручик, стойте!

Я развернулся. Нас догонял смазливый капитан. Подскочив ко мне, он тут же выпалил:

– Вы оскорбили даму! Я требую, чтобы вы прямо сейчас извинились перед ней!

– Это ее просьба?

– Нет, это мое требование!

Этот хорошо сложенный мужчина с аккуратно уложенными волосами и ухоженными усиками, в звании капитана, представлял собой этакий вариант писаного красавца – гусара с лубочной картинки.

– Вы больше ничего не хотите?

– Вы забываетесь, поручик! Перед вами стоит старший по чину офицер!

– Да ну? – я нагло усмехнулся.

При виде моей усмешки красивое лицо капитана просто перекошило.

– Ты мне сейчас за все ответишь, подлец, – сейчас он уже не говорил, а шипел наподобие змеи. Не знаю, что он собирался делать, но только успел поднять руку, как получил удар в челюсть и рухнул на пол. Его глаза закатились, а тело безвольной куклой раскинулось на полу. Я оглянулся на княгиню, ожидая ее реакции. Та перевела взгляд с распростертого тела капитана на меня и удивленным голосом спросила:

– Вы дворянин, поручик?

– Да.

– Что ж вы тогда выясняете отношения, как мужик? – но наткнувшись на мой непонимающий взгляд, махнула рукой и произнесла: – Ладно. Что сделано, то сделано. Идемте!

Наверху бал, под гремевшую музыку военного оркестра, только набирал силу, поэтому свидетелями нашей стычки стали лишь слуги. Взяв в гардеробе мантию княгини, я помог ей одеться, затем надел шинель, и мы вместе пошли к дверям. Капитана тем временем один из лакеев стал приводить в чувство смоченным водой, платком. Вдоль тротуара, напротив входа, стояло полтора десятка личных экипажей, возле которых попыхивали папиросками, собравшись в кучку, кучеры. При виде вышедшей княгини один из них тут же подбежал к ближайшему экипажу и вскочил на козлы. Кучер, насколько я мог разглядеть его в неверном свете фонарей, был крепким мужчиной с простым, невыразительным лицом и аккуратно расчесанной бородой, лежавшей на груди.

– Ваша светлость, карета подана!

«Карета? А, по-моему, это просто рессорная коляска с откидным верхом. Впрочем, не мое это дело».

Княгиня подошла к повозке и остановилась.

– Поручик!

Я бросил недоуменный взгляд на княгиню, но уже в следующий миг понял, чего от меня хотят и, подойдя к ней, подал руку под ее насмешливым взглядом. Таким, наверное, люди смотрят на маленьких неуклюжих щенков, ковыляющих вперевалку. Опершись на нее, женщина поднялась, затем уселась, при этом продолжая с насмешкой смотреть на меня. Под ее взглядом мне стало неудобно уже второй раз за этот вечер, но только стоило мне сесть рядом с ней, как княгиня тесно прижалась ко мне, и в тот самый миг чувство неловкости исчезло, сметенное горячей волной будущих удовольствий.

– Василий, домой! – раздался голос княгини.

Экипаж качнулся, а затем зашуршал резиной шин под цокот копыт. Я не заметил, как от стены здания рванулась к дороге, ранее незаметная, мужская фигура и, подскочив к стоящей в стороне двуколке, негромко сказала к нагнувшемуся к нему человеку, сидевшему на козлах.

– Пиво, живо за ним. Проследишь, затем вернешься.

– А как же...

– Я сказал: живо!

Больше ничего не говоря, извозчик хлестнул лошадей. Легкая пролетка рванула с места и понеслась вслед за нашим экипажем.

Проснувшись утром, я удостоился от уже проснувшейся княгини довольно сомнительного комплимента:

– Вы, поручик, истинный жеребец, ей-богу! Умеете доставить женщине удовольствие! Все же есть у меня к вам один интересный вопрос, Серж. Ответите без утайки?

Княгиня выглядела очень сексуально и соблазнительно в свои тридцать девять лет: крупная грудь, широкие, крутые бедра и стройные ноги. Некоторая полнота нисколько не портила её фигуру, даже наоборот, добавляла своеобразный шарм в плавные изгибы женского тела. Увлеченный разглядыванием фигуры княгини в кружевном белье, состоявшем из короткой кружевной кофточки и таких же панталончиков, которые не столько скрывали тело, сколько потакали распаленному мужскому воображению, я отстраненно сказал:

– Спрашивайте, княгиня.

– Не обессудьте, Серж, я человек прямой, поэтому объясните: как вы можете сочетать в себе мальчишку и зрелого мужчину, не говоря уже об остальных странностях. Поясните столь непонятный факт любопытной женщине.

Я перевел взгляд с ног княгини на ее лицо.

– Все дело в моем ранении, Александра. После ранения в голову я долгое время находился... м-м-м... в полубессознательном состоянии, а когда пришел в себя, оказалось, что частично потерял память.

– Беденький! И что?!

– М-м-м... скажем так... одно помню, а другое не помню.

Княгиня, по большей части пренебрегающая обывательской моралью и отличающаяся практичным, мужским складом ума, вначале попросту решила пойти навстречу своим естественным инстинктам и заполучить физический образчик мужского пола в постель на ночь. Ей всегда нравились большие и крепкие мужчины, но теперь где-то в глубине нее неожиданно шевельнулся материнский инстинкт. Мальчик – мужчина. О нем можно было заботиться как о ребенке и одновременно предаваться любовным ласкам со сложенным, словно античный бог, мужчиной.

– О! Так ты, мальчик, получается, заново родился! – она задумалась на короткое время, затем усмешка скользнула по ее губам, и княгиня продолжила:

– Теперь мне стало понятно твое... скажем так, необычное поведение. Впрочем... для меня сейчас главным является то, что твое ранение никак не сказалось на работе твоего детородного органа! Тебя не шокирует моя прямота?!

Я равнодушно пожал плечами.

– Вижу, что нет, – и она усмехнулась. – Впрочем, у нас еще будет время обо всем этом поговорить. Серж, вы так и будете сидеть голым на кровати или мы сходим куда-нибудь позавтракать?!

После ее слов я вдруг внезапно понял, что зверски голоден. Быстро привел себя в порядок, затем оделся. Перед парадным входом нас уже ждала коляска. Не успел я помочь княгине сесть в коляску, как к нам вдруг неожиданно подскочил молодой человек в темно-синей студенческой куртке и фуражке с кокардой.

– Вы хам! Мерзавец! Вы оскорбили достойную женщину и думаете, что вам все сойдет с рук! Нет! – и он яростно зажестиковал, потрясая в воздухе сжатыми кулаками. – Вы ответите за свой низкий и подлый проступок!

Несколько секунд я оторопело смотрел на него, затем, повернувшись, удивленно взглянул на княгиню, так как сразу подумал, что речь идет о ней, но когда увидел в ее глазах изумление, сообразил – она здесь ни при чем! Резко повернулся к студенту, который тут же попытался меня ударить, причем это выглядело настолько нелепо и неуклюже, что даже мне, человеку, не имеющему опыта в драках, показалось, что он сейчас играет какую-то роль. Легко отбив его удар, я толкнул студента в грудь. Тот упал, но почему-то не торопился вставать, продолжая кричать. Только я открыл рот, чтобы спросить его, что он от меня хочет, как из начавшей собираться толпы ко мне кинулось трое крепких молодцев с криками на тему: пошто маленьких забижаешь!

Не ожидавший столь резкого проявления народного гнева, я все же оказался на высоте. Когда кулак одного из бандитов, на пальцах которого блестели стальные кольца кастета, взметнулся и полетел мне в лицо, я интуитивно ушел от удара, а затем ударил в ответ. Под моим кулаком что-то влажно хрустнуло, и противник, отчаянно взмахнув руками, с диким воплем рухнул на камни мостовой. Впрочем, это была бы моя первая и единственная победа в этой драке, если бы не неожиданная помощь кучера Василия и... княгини. Свист кнута – и один из налетчиков, схватившись рукой за левую щеку и завыв от боли, отскочил в сторону. Последний из нападавших уже готов был опустить мне на голову дубинку, обтянутую кожей, как вдруг из-за моего плеча к его лицу метнулось острие зонтика княгини. Бандит инстинктивно отпрянул, дав мне тем самым несколько секунд форы. Удар, пришедшийся ему прямо в челюсть, швырнул моего второго противника на булыжники, а спустя секунду, из уже собравшейся вокруг нас толпы раздался истошный женский крик:

– Батюшки!! Убили!! Истинный крест!! Убили!!

Не успев перевести дух, я резко повел головой в сторону кричащей женщины. Это была молодая баба в теплом платке и пальто, прижавшая руки к груди и смотревшая куда-то на землю. Проследив ее взгляд, я увидел, что бандит, которого только что ударил, лежит неподвижно, а из-под его головы натекает кровь.

«Убил?» – не успела эта мысль появиться у меня в голове, как его неподвижное лицо дрогнуло, а из губ вырвался стон. Наступившая было тишина мгновенно взорвалась криками:

– Да жив он!! Жив!! Вот баба – дура, только зазря крик подняла! Городовой!!

На дружные крики толпы уже спустя минуту откликнулись трели полицейских свистков. Я быстро огляделся и кое-кого недосчитался. Третий бандит как в воду канул. Бросил взгляд на кучера. Тот без слов понял, что мне хотелось знать, и сразу ответил:

– Убег. Как вы второго разбойника на кулак взяли, ваше благородие, так сразу и убег.

- А студент? – поинтересовался я.
- Тот еще раньше в толпу шмыг... и больше его не видал.
- Спасибо тебе за помощь, Василий.
- Да что уж там, ваше благородие. Если на чаек...
- Василий, – негромко, но веско произнесла княгиня.
- Я что? Я ничего, – тихо пробурчал кучер, отворачиваясь.

Спустя несколько минут на место происшествия прибежали два полицейских. Шагавший первым из них городской, с сединой на висках и в усах, пройдя сквозь толпу, сначала бросил быстрый взгляд на распростертые на брусчатке тела, а затем поднял голову и, отдав честь, вежливо поздоровался с княгиней:

- Доброго вам здравия, ваше сиятельство.
- И тебе того же, Николаевич. Как жена? Как дети?
- Спасибо. Бог миловал. Все живы-здоровы. – Затем он повернулся к своему напарнику, громко гаркнул: – Степан! Ну-ка возьми пару свидетелей и волоки их в участок! Пусть дадут там показания!

Любопытные горожане, до этого во все глаза следившие за происходящим, услышав приказ, тут же начали быстро расходиться. Молодой городской успел схватить за рукав одного из зевак и теперь пытался тащить его в участок, но тот сразу начал кричать, что он ничего не видел.

– Не видел, так не видел. Отпусти его, Степан! – неторопливо сказал седоусый. – А сам беги в участок. Пусть дежурный вызовет медицинскую карету, затем доложишь по начальству, что на госпожу княгиню было произведено разбойное нападение. Ведь так, ваше сиятельство?

- Так, Николаевич.
- Да, и еще. Пусть пришлют парочку постовых, потому как я узнал одного из разбойников, напавших на княгиню. Это Митька Оглобля. Он, анафема, в розыске уже год находится. Степан, давай живо! Одна нога здесь – другая там!

Молодой городской, подхватив шашку, со всех ног кинулся бежать, а Николаевич повернулся к нам:

- Вынужден вас спросить, как все это произошло?
- Этот вопрос ни к кому конкретно не обращался, но отвечать на него все же пришлось мне, после ехидного замечания княгини:

- Поручик, вы их били – вам и речь держать.
- Рассказав, как все произошло, я вопросительно посмотрел на городского. Судя по его задумчивому виду, он явно что-то знал или, по крайней мере, догадывался. Некоторое время полицейский молчал, неторопливо разглаживая усы, и только потом сказал:

– Похоже, это шайка Ивана Хмеля. Сталкиваться с ними не приходилось, но описание этих разбойников у нас в участке есть. Вот только что странно: в них говорится, что они уличными грабежами промышляют, а тут...

- А чего тут странного? – тут же поинтересовался я.
- Странности аж целых две получаются, ваше благородие. Уличные грабежи, это да, но вот в чем курьез – их шайка по ночам работает. И второе. Они, по вашим словам, вроде как в драку полезли, так?

- Да.
- Тогда скажите мне, зачем грабителям за какого-то прощелыгу заступаться? Вот то-то! Несуразица выходит. И еще. Будь вы простой человек, а так... вы офицер. Воры остерегаются таких, как вы, трогать.

Я задумался над его словами. Если все так обстоит, как говорит городской, то логики в их действиях не было даже на копейку. Тогда в чем дело? Но обдумать мне не дал неожиданно раздавшийся голос княгини:

– Николаич, подойди ко мне, любезный.

Тот неторопливо подошел к коляске.

– Слушаю вас, ваше сиятельство.

– Знаешь, мне бы не хотелось, чтобы мое имя звучало в городских сплетнях... гм... в связи с этим делом. Мы договорились?

– Как скажете, ваше сиятельство.

– Держи, любезный, – и княгиня протянула городовому десять рублей. – И закончи это дело сам. Объясни, что даме стало дурно и она поехала... в больницу.

– Ваше сиятельство, а бумаги? Их же подписать нужно.

– Ты забыл, где я живу?!

– Будет сделано, ваше сиятельство!

Ни по дороге в ресторан, ни во время еды меня никак не хотела отпускать мысль о столь непонятном и нелогичном нападении.

«Меня с кем-то спутали? Хм! А может, это какой-нибудь отверженный любовник княгини?»

Я посмотрел на княгиню и наткнулся на ее внимательный взгляд. Вытерев губы салфеткой, она откинулась в кресле и спросила:

– О чем вы все думаете, Сергей Александрович?

– Не выходит у меня из головы это нападение.

– Серж, да бросьте вы! Они грабители! Как у них там? А! Кошелек или жизнь!

– Слишком уж заумно... Сначала какой-то... мальчишка обвиняет меня в оскорблении женщины...

– Может, это весточка из вашего прошлого, которого вы не помните?

– Я с первого дня войны на фронте. Потом два с половиной месяца в госпитале. Выписался чуть больше недели тому назад, – я помолчал, потом спросил. – Может, этих людей нанял какой-нибудь ваш тайный воздыхатель?

Несколько секунд княгиня смотрела на меня, а потом звонко рассмеялась:

– Вы что меня ревнуете?!

– Насчет этого не волнуйтесь, княгиня. Вы женщина приятная во всех отношениях, но...

– Можете не продолжать. А в дальнейшем, милый Серж, постарайтесь не забывать, что я хоть и лишена большинства душевных нюансов, присущих легковверным дурочкам, но при этом остаюсь женщиной!

– Понял.

– Вот и хорошо, а насчет моих любовников не волнуйтесь. У меня нет привычки играть в любовь. Приятная интимная близость – вот что надо женщине моего типа. Не больше. Учтите это на будущее.

– Учту, ваше сиятельство, – при этом я учтиво улыбнулся, стараясь, чтобы ехидство не выползло наружу.

– Учтите-учтите, поручик. Кстати, силища в вас отменная. Удар – и разбойник повержен! Вы прямо богатырь земли русской!

– Не без вашей помощи, княгиня. Кстати, я вас так и не поблагодарил за...

– Отблагодарите меня этой ночью, и мы квиты, – и княгиня захихикала, как девчонка, потом резко оборвала смех и неожиданно спросила: – Серж, а вы как-то обмолвились, что серьезно занимались боксом и атлетикой.

– Знаю об этом со слов сестры. А что?

– Мне тут в голову пришла одна идея. Не хотите продолжить обучение?

– Честно говоря, не думал об этом. А вот стрелять точно хочу научиться.

– Отлично! Мне знаком человек, владелец спортивный зала, который называется «Атлет».

– Откуда?

– Какая разница. Знаю и знаю. Так вот, у него при зале есть тир.

– Тир? Так это что: стрелковая школа?

– Не знаю, как это все правильно называется, Серж, но там стреляют из пистолетов! Анатолий, не только спортсмен, но и хороший коммерсант. Четыре года тому назад он заключил договор с городским полицейским управлением, и теперь у него тренируются агенты полиции. Еще там есть японец. Он преподает какую-то борьбу.

– Каратэ? Кун-фу?

– Как-то иначе звучит. Впрочем, вы сами сможете спросить у него, если будет желание. Ну как?

– Александра, я вас обожаю! Мне это очень-очень интересно. Когда мы сможем подъехать к Анатолию?

Мой неподдельный интерес к физическому совершенству лежал на фундаменте из мыслей безнадежно больного человека, который мечтал стать сильным, ловким и непобедимым.

Княгиня на минуту задумалась над моим вопросом, а потом сказала:

– Поедьте сейчас, милый друг. Думаю, потом у меня просто не будет времени. Сегодня я обещала своей подруге, баронессе Штауфенберг, помочь с выбором платья. И на завтра у меня назначено два визита... Все! Едем сейчас!

Помещение «Атлета» находилось на окраине города. Длинный кирпичный барак и ряд больших немых окон. Темно-красный кирпич проглядывал сквозь обвалившуюся, серую от времени и погоды, штукатурку. За ним можно было видеть подворья небольшой деревеньки.

На входе в зал пахло смесью сырости, крепкого запаха мужского пота и еще чего-то специфического, чего разобрать мне так и не удалось. Княгиня сначала сморщила носик, потом, достав надушенный кружевной платок, закрыла нижнюю часть лица. Длинный барак оказался разбитым на помещения, разделенные кирпичными перегородками. В первом зале мы наткнулись на группу молодых парней, которые занимались с гантелями и гириями. Они нам объяснили, где следует искать хозяина зала. Анатолия мы нашли в борцовском зале, где тот, похоже, исполнял роль тренера. Три пары атлетов, одетых в синее трико, сжимали и давили друг друга в объятиях, изо всех сил напрягая бицепсы. Я имел настолько малое понятие о приемах французской борьбы, что их усилия мне ни о чем не говорили. Впрочем, тренировка разом прекратилась, стоило лишь владельцу зала увидеть княгиню. Он радостно воскликнул:

– Ваше сиятельство, здравствуйте! Какой случай загнал вас так далеко от дома?! – после чего быстро подошел к ней и, низко согнувшись, поцеловал руку и, выпрямившись, замер. Одет он был в белую широкую рубаху без воротника и шаровары, но даже под этой свободной одеждой можно было наблюдать, как его тело бугрится мышцами. Его голова была наголо обрита и теперь матово поблескивала от света, излучаемого лампами в жестяных абажурах, висевшими высоко под потолком.

– Здравствуй, Анатолий. Ты еще помнишь меня? – томно произнесла княгиня.

– Ваше сиятельство, да как можно забыть все то, что вы для меня сделали? Я в неоплатном долгу перед вами!

– В таком случае у тебя есть сейчас возможность вернуть часть этого долга.

– Все что угодно, ваше сиятельство!

– Дело в том, Анатолий, что господину поручику пришла блажь научиться драться.

– Блажь, говорите? Что ж, посмотрим! – он повернулся ко мне и, протянув руку, сказал: – Давайте знакомиться. Масютин, Анатолий Павлович.

– Богуславский Сергей Александрович.

Как только наши руки соединились, он стал сжимать мою ладонь со всей силы. Я ответил ему не менее сильным пожатием. Княгиня и борцы, замерли, не дыша, наблюдая за нашим

поединком. Спустя полминуты лицо Масютина напряглось и начало багроветь, и только когда у него на лбу появились капельки пота, хозяин зала разжал хват. Окинул меня удивленным взглядом и, массируя помятую кисть, сказал:

– Силушки вам немало отмерено, господин поручик. Пожатие у вас, что кузнечные клещи. Вот только хочу полюбопытствовать: с чего это у вас желание такое странное появилось? Вам бы по чину пойти в фехтовальный или конный клуб, находящийся под покровительством кого-либо из членов императорской фамилии. Достоинно и престижно.

В его голосе чувствовалась легкая издевка. Не успел я открыть рот, как заговорила княгиня.

– На это у меня есть ответ, Анатоль.

Здоровяк перевел взгляд на княжну. – Сегодня на нас напали разбойники, так Серж двумя ударами уложил их обоих.

– Разбойники?! Среди белого дня?! Как же это могло быть?!

– Не волнуйтесь, милый Анатоль. Разбойники арестованы и сейчас в полиции. К чему все это я тебе говорю: это по моему совету мы сюда приехали.

– Лестно! Даже очень! – взгляд хозяина зала стал внимательно-доброжелательным. – Чем желает заняться, господин поручик? Французской борьбой? Боксом?

– Боюсь показаться привередливым, но ее светлость в разговоре со мной упомянула о японце, как об учителе рукопашной борьбы.

– Да, так и есть. У нас проходят тренировки японской борьбы под названием дзю-дзюцу. Но разрешите сразу мне высказать свое личное мнение: это занятие не для благородного человека, так как я считаю, что любой поединок должен быть честным и открытым. Этим понятиям соответствует высокое искусство французской борьбы. Причем это не мое личное мнение – это всемирное признание! Но тут, помилуйте... Удушения, удары в уязвимые места... Да как так можно?! – чувствовалось по голосу, что это был крик души, вопиющей о явной несправедливости по отношению к честным видам спорта. – Мы неоднократно говорили с господином Окато о разных путях борьбы, но...

– Анатоль, вы, похоже, увлеклись!

– Извините, ваше сиятельство! Вы же знаете мою любовь к французской борьбе, поэтому, надеюсь, сможете простить меня. Добавлю только одно: единственное, что оправдывает Окато, так это то, что он преподает эту варварскую борьбу для полицейских агентов. Нечестные приемы против подлых людей! На этом я умолкаю. Идемте, господин поручик, я вас представлю господину Окато. Ваше сиятельство, а вы как?

– Иду с вами!

– Ради бога, извините меня, ваше сиятельство! Но я не думаю, что жестокость японской борьбы вам может понравиться. К тому же господин Окато... гм... своеобразный человек... Скажу прямо: он не любит присутствия посторонних людей. Вы меня простите, ваше сиятельство, но не я придумал эти правила.

Княгиня нахмурилась. Ей явно не по вкусу пришлось объяснения владельца зала, но проявлять характер не стала, а ограничилась только недовольным тоном:

– В таком случае доберетесь сами, поручик. До свидания, Анатоль. Серж, с вами я не прощаюсь.

Его руки и ноги рассекали воздух в самых разных направлениях. Японец, похоже, дрался сразу с несколькими невидимыми противниками. Мы простояли минут пять, наблюдая за ним, пока Окато не закончил серию ударов и не повернулся к нам. Лицо неподвижное, словно высеченное из камня. Его мощное и сильное тело, казалось, было свито из стальных канатов. Выслушав просьбу владельца зала, он подошел к нам, ступая при этом мягко и бесшумно, с грацией большого хищного зверя. Какое-то время смотрел мне прямо в глаза, а затем, не отрывая

взгляда, молниеносно ударил где-то в область груди, а уже в следующее мгновение нестерпимая боль попыталась скрутить мое тело.

Сила боли была такая, что заставила память на какую-то секунду перенести меня в свою прошлую жизнь, на больничную койку, во время очередного приступа. Там я боролся с невидимым противником, а здесь источник боли стоял передо мной, в своем физическом воплощении. Выбросил кулак вперед, целя ему в челюсть, но удар ушел в пустоту. Японец легко ушел от удара, играючи перехватил мое запястье, взяв на болевой прием. Попытка вырваться только увеличила боль в плече. Я не произнес ни слова, а просто замер, тем самым давая понять, что проиграл схватку. Он понял это и отпустил меня. Выпрямившись, я повернулся к нему. Желание набить морду японцу никуда не исчезло, вот только как его лучше достать? Видно, японец сумел прочесть это на моем лице, потому что неожиданно вскинул руку в примиряющем жесте и спросил:

– У вас еще осталось желание изучать дзю-дзюцу?

Я замер. Экзамен был сдан.

– Так вы согласны взять меня? – ответил я вопросом на вопрос.

Японец тонко, краешками губ, усмехнулся и коротко ответил:

– Да.

– Спасибо, господин Окато.

– Тренировки три раза в неделю. Понедельник, среда, пятница. Оплата – десять рублей в месяц. И еще. Как у вас со временем, господин офицер?

Вопрос был неожиданный, поэтому я ответил не сразу:

– Как вам сказать. После ранения вышел в отставку и пока нигде не служу. Так что, могу сказать, что время у меня есть.

– Ранение? Куда?

– В голову.

Японец насторожился:

– Ваша болезнь сопровождается припадками?

– Нет. Все ограничилось исключительно частичной потерей памяти.

– В таком случае предлагаю вам приходить еще и по субботам. До свидания, господин офицер.

– До свидания, господин Окато.

Вид у хозяина спортивного зала «Атлет», пока он провожал меня к выходу, был отрешенно-задумчивый. Мне показалось, что оно было вызвано его неприятием японской борьбы, которая теперь распространялась на меня, но все оказалось не так, как я думал.

– Вы меня, признаться, приятно удивили и порадовали, господин поручик.

Я недоверчиво уставился на него, уж больно неожиданными оказались слова человека, еще полчаса тому назад негативно отзывавшегося о японской борьбе.

– Чем же я вас сумел порадовать, Анатолий Павлович?

– Все просто! Этим его ударом он укладывал всех до единого человека, кто только не приходил к нему! А вы... выстояли! Не посрамили Русь! Если надумаете настоящей борьбой заняться, милости прошу ко мне! Я из вас чемпиона сделаю! Второго Ивана Поддубного!

– Спасибо за предложение, но вы мне лучше другое скажите: у вас есть тир?

– Есть. Он отделен от остальных помещений. И дверь отдельная. Там полицейские агенты два раза в неделю стрельбы свои проводят. По вторникам и субботам. Только у них оружие и патроны свои.

– А есть у вас человек, который может научить стрелять?

– Как-то странно получается. Офицер, а стрелять не умеет. Это как?

– Будто вы не слышали. Я был ранен в голову. В результате – частичная потеря памяти.

– Извините меня! Точно, говорили! Приходите. Только вам придется сговориться с их инструктором. Честно говоря, это несложно. Любит он деньги. Впрочем, кто их не любит. Негоже так говорить, но при этом говорят, стрелок он от Бога. Господи, прости меня грешного! Все, дальше не провожаю. До свидания, Сергей Александрович. Ее сиятельству от меня нижайший поклон и наилучшие пожелания.

– Передам. До свидания, Анатолий Павлович.

Первые две недели я ходил к Окато, пытаюсь понять: нравиться мне заниматься борьбой или нет? Японец предельно требовательно и жестко подходил к занятиям, не давая своим ученикам никаких поблажек. В особенности это касалось субботних тренировок. Придя в первый раз, я несколько удивился, увидев, что группа состоит только из четырех человек, но недоумение ушло, стоило мне узнать, что они являются не просто агентами уголовной полиции, а членами летучего отряда, который являлся прообразом спецназа того времени. Их Окато тренировал на захват особо опасных преступников.

Умение контролировать эмоции и боль, большая физическая сила и спортивный азарт помогали делать мне определенные успехи в дзю-дзюцу. Мне нравилось испытывать себя, подвергая предельным нагрузкам. Наливать тело силой, делать его крепче и мощнее стало для меня таким же естественным желанием, как утоление голода. Оставался только один вопрос: зачем японцу вводить меня в состав группы специальной подготовки?

Спустя неделю к занятиям дзю-дзюцу я прибавил стрельбу. Мне удалось договориться с инструктором за три рубля в месяц приходить дважды в неделю, но при этом было выставлено условие, что оружие и патроны у меня будут свои. Выправить разрешение на ношение оружия, как бывшему офицеру, оказалось несложным делом. По совету Степана Петровича Плавунца (так звали инструктора) я пока остановился на нагане. Конечно, мне хотелось стрелять из парабеллума или маузера, но стоило полистать оружейные каталоги и узнать их цену, как мысль сразу исчезла, и я остановился на предложении Плавунца – офицерском револьвере системы Нагана с сотней патронов за восемь рублей. Несмотря на то, что револьвер был не новый, я был рад и такому оружию, потому что даже такая сумма пробивала в моем бюджете немалую брешь. Дело в том, что выписавшись из больницы, я пожил несколько дней в гостинице и снял комнату в доме, находящемся сравнительно недалеко от «Атлета». Она мне обошлась в месяц – 10 рублей 50 копеек, к тому же в стоимость входили завтрак и ужин. Потом пару раз пришлось сходить по магазинам и купить кое-что из одежды, так как у меня из приличной одежды только и было, что офицерский парадный мундир, а того, что осталось, по моим расчетам, мне должно было хватить на питание до следующей пенсии. Именно поэтому мне пришлось просить инструктора об одолжении:

– Четыре рубля отдаю прямо сейчас, а остаток – через месяц, Степан Петрович. По рукам?

Тот пару раз погладил свои пышные усы и согласился. Несмотря на свои пятьдесят лет, Плавунец был жилист, подтянут и проворен. В отличие от замкнутого на себя японца, он любил поговорить, но только на общие темы, но так ни разу и не упомянул о своем прошлом. Первое время он присматривался ко мне, но потом, видно, увидел во мне не просто любителя пострелять, а нечто большее. Именно поэтому наши занятия приняли систематический характер. Он учил меня прицельно стрелять на дистанции свыше двадцати метров. На расстоянии от десяти до двадцати метров тренировал меня навскидку и с бедра, а в стрельбе до десяти метров особенно упирал на скоротечность боя. Эта стрельба, говорил он, требует индивидуальности, интуиции и автоматизма.

– Когда в мозгу ревет сигнал тревоги, у тебя включаются наработанные рефлексy и навыки, повинуюсь инстинкту самосохранения. Ты выхватываешь оружие, как тебя учили,

и начинаешь стрелять, – поучал меня инструктор. – Вот только, насколько ты будешь быстр и точен, будет зависеть не только от тебя, но и от того как ты усвоил мои уроки.

В свободное время я много гулял, знакомясь с жизнью и бытом России, читал книги и статьи из газет и журналов. Один раз, чисто из любопытства, зашел в синематограф, но уже через десять минут ушел. Дважды ходил в театр. Так я проводил время с понедельника по субботу, только воскресенье было отдано полностью сестре.

Сегодня была среда и после тренировки я, как обычно, зашел в трактир, где имел привычку обедать. Зал был уже наполовину заполнен мелкими купчиками и лавочниками, которые, хлебая горячие щи, обсуждали свои дела. Сев за ближайший пустой стол, стоящий недалеко от входа, я заказал подлетевшему половому холодной свинины с хреном, шей и кваса. Уже через минуту кувшин стоял у меня на столе, а я, откинувшись на стуле в ожидании еды, стал прихлебывать из кружки шипучий напиток. Неожиданно мое ухо уловило обрывок разговора из-за соседнего стола:

– Не трясись ты так, деревянная твоя душа! Никто не обратит на тебя внимания, а меня там знают. Смекаешь?

– А ежели поймают, дяденька?

Общение с агентами уголовной полиции не прошло даром, сразу дав повод заподозрить в этих словах намека на какое-то преступление, к тому же дополнительной уликой для меня стал резко оборвавшийся разговор соседей при появлении полового, который мне принес заказ. Принявшись за щи, я продолжал прислушиваться в надежде, что еще что-нибудь услышу, но смог уловить только несколько обрывков из их тихого разговора.

– Закопаешь в огороде... В участок... Полиция на них думает...

Их слова для меня стали намеком на приключение, которое я не собирался упускать.

Почему я за это зацепился? Наверное, потому, что первые впечатления от своего чудесного воскрешения и нового мира ушли, и моя жизнь потекла в размеренном темпе. Тренировки, княгиня и воскресное общение с сестрой. Мне этого уже было мало, хотелось резкости, разнообразия, активных действий.

Быстро доев, я расплатился и вышел из трактира почти следом за преступниками. Один из них был крепким бородатым мужиком, средних лет, в потертой одежде, со злыми и недоверчивыми глазами, второй – совсем молодой, вертлявый мальчишка – подросток.

Спустя какое-то время эта парочка привела меня за окраину города к нескольким покосившимся от старости домишкам, стоявшим на берегу речки. Судя по полусгнившему остову лодки, лежащей на берегу вверх дном, и обрывке сети, некогда повешенной для просушки, здесь когда-то жили рыбаки. Сейчас этот поселок представлял собой жалкое зрелище. Ветхие крыши, потемневшее от сырости дерево стен, слепые окна. Жалкие полуразвалившиеся лачуги! Здесь жить невозможно! Так можно было сказать, увидев эти жилища, но эти слова сразу опровергали пьяные крики, звуки гармошки и визгливый женский смех, несущиеся из приоткрытой двери одной из развалюх.

«Хм. Живут. Причем весело».

Продолжая следить, я с некоторым удивлением увидел, как мужчина и мальчишка, крадучись, обошли лачугу и скрылись за обломками забора у задней стены дома. Прodelав точно такой же маневр и выйдя с обратной стороны дома, я только успел заметить, как мальчишка что-то забросал землей на пустыре, а затем, согнувшись, словно солдат под обстрелом, кинулся опретью к углу дома, из-за которого выглядывал его сообщник.

«И что все это значит?»

Минута замешательства не прошла даром. Когда я решил кинуться за ними следом, от преступников не осталось и следа. Чтобы хоть как-то прояснить ситуацию, мне осталось пойти

и вырыть то, что закопал в земле мелкий уголовник. Раскопав тайник, я увидел полотняный мешочек. Взяв его в руку и ощупав, сразу понял, что тот битком набит монетами.

«Может, золото?»

Даже не подумав о нелогичности подобной мысли, я отошел подальше, развязал тесьму и вытряхнул себе на ладонь несколько старинных монет, но не золотых, а медных и бронзовых.

«Похоже, ворюги украли коллекцию старинных монет. Тогда какой смысл закапывать ее часть на огороде? Ведь каждая такая монета хороших денег стоит, а их здесь не менее четырех десятков будет. Непонятно. Если только не предположить, что они в нумизматике полные нули... Тогда они отобрали для себя золотые и серебряные монеты... М-да... Приключение только что превратилось в банальное воровство. А мне это надо?»

Этот далеко не праздный вопрос возник у меня в голове сразу, стоило только понять, что я держу руках часть воровской добычи, а значит, автоматически становлюсь сообщником преступников.

«Выкинуть и забыть? Нет. Не стоит торопиться. Так, что я имею? Эти монеты были подброшены для полиции в качестве улики, чтобы навести тех на ложный след и свалить кражу на жильцов этой лачуги».

Вернувшись домой, я приступил к детальному обследованию содержимого мешочка. Как я и предполагал, в нем не было ни одной золотой или серебряной монеты. Что делать? Решение пришло быстро. Спрятав мешочек с монетами под матрас, я поехал в публичную библиотеку. Пролистав подшивки газет за две недели, я быстро нашел то, что искал.

«Жестокое ограбление известного профессора Петербургского университета! Украдена уникальная коллекция монет! Так-так. Ага! Без убийства. Уже легче. Ого! Так тут премию предлагают! Три тысячи рублей! Это все меняет! Так и какие мои действия? Пойти в полицию? Нет! Деньги мне самому нужны! Для начала поговорю с профессором. Что он преподает? Ага! Русский язык и литература. Профессор, я иду!»

Прикрытие для визита нашлось быстро: молодой писатель – любитель, загоревшийся желанием написать научно-фантастический роман о будущем России. Сказано – сделано. Спустя полчаса я уже подошел к дому, где проживал Иконников Антон Павлович, профессор словесности Петербургского университета. Не раздумывая, позвонил. Дверь мне открыла уже пожилая женщина с мягкими чертами лица и добрыми глазами, в темно-синем платье, поверх которого был надет белый кружевной передник.

– Что вам угодно, сударь?

– У меня разговор к господину профессору.

– Как вас представить?

– Мошанский Сергей Александрович. Литератор.

Посторонившись, она сделала приглашающий жест рукой. Я прошел, снял пальто, потом отдал его вместе со шляпой прислуге. Она повесила мои вещи на вешалку, стоящую у самой двери, потом сказала:

– Подождите немного, я предупрежу хозяина.

Спустя несколько минут она вернулась и сказала:

– Следуйте за мной, пожалуйста. Антон Павлович примет вас в своем кабинете.

Не успели мы пройти через зал, как распахнулась дверь одной из смежных комнат и в коридор выбежала девушка с веселым криком:

– Павловна! Я...

Тут она увидела меня и замолчала, потом вымолвила:

– Вы?!

Передо мной стояла та красивая девушка, с которой я так неудачно пытался завести знакомство на балу. Наша встреча стала неожиданностью для нас обоих.

– Я.

– Как вы смели сюда явиться?!

– Только потому, что понятия не имел о том, что вы здесь живете!

Мою прямооту, естественно, не только не оценили, а, наоборот, приняли за оскорбление. Если у девушки от такой наглости не хватило слов, то горничная не замедлила заступиться за свою хозяйку:

– Сударь! Оскорблять хозяйку в ее доме – это просто верх неприличия!

Наш разговор на повышенных тонах привлек внимание хозяина квартиры. Открылась дверь, и на пороге появилась осанистая с приличным брюшком фигура мужчины. Густые, с проседью волосы, породистое лицо с аккуратно подстриженной бородкой, близорукие глаза за стеклами пенсне. Он сначала внимательно оглядел нас всех, а затем негромко спросил:

– Что здесь собственно происходит?

«Не я скандал поднял – не мне объяснять».

Определив сам себе позицию поведения, я демонстративно промолчал. Девушка метнула в меня гневный взгляд, затем повернула голову к профессору.

– Дядюшка, помните, я вам говорила про благотворительный бал? – Тот величаво и благосклонно кивнул головой в знак согласия. – Так это он!

– Он? Кто он?!

– Я же вам говорила. Это тот нахал! Он еще Андрею Валентиновичу тогда челюсть сломал!

Профессор с минуту внимательно смотрел на меня, а потом неожиданно сказал: – А так и не скажешь. С виду вполне приличный молодой человек. Вы действительно литератор или...?

Тут он сделал паузу, что дать мне объясниться, но рта мне не дала открыть девушка: – Дядюшка! Как вы можете разговаривать с ним?! Он, он...

– погоди, Машенька. Может, молодой человек пришел извиниться перед тобой под предлогом визита ко мне?

– Нет! Он сам только что об этом заявил!

Я так и не успел воспользоваться невольной подсказкой профессора, как раздался громкий, хорошо поставленный, преподавательский голос:

– Милостивый сударь! Вы прямо сейчас должны покинуть мой дом! Степанида Павловна, проводите нежеланного гостя к двери!

Надев пальто и шляпу в передней, я уже был готов перешагнуть порог, как чуть не наткнулся на паренька, тянувшегося к звонку. Сначала он замер, вытаращив на меня испуганные глаза, и только спустя несколько секунд сообразил, что перегораживает мне дорогу. Отскочив в сторону, он уже был готов сбежать, как в самый последний момент его остановил громкий окрик Павловны:

– Митька! Ты пошто пришел?!

Тот замер на месте. Сделав вид, что не узнал воришку, пройдя мимо него, я пошел по улице. Сделав несколько шагов, я успел услышать его ответ:

– Так это... Степан Митрич просил передать рисунок книжного шкафа с поправками. Как господин Иконников заказывали.

– Так чего стоишь, идол! Входи быстрее!

«Так он ученик столяра! Теперь понятно, почему его подельник в трактире назвал: деревянная душа. Вот кто навел воров на коллекцию... Так что, профессор? Похоже, наш разговор будет иметь продолжение».

Перейдя улицу, я огляделся по сторонам лениво и вальяжно, с таким видом, словно решал, куда пойти молодому человеку, вышедшему на прогулку. Но так должно было казаться посторонним людям, а на самом деле я искал укромное местечко, чтобы иметь возможность наблюдать за дверью профессорской квартиры. Короткий обзор улицы сразу выделил пункт наблюдения – проходную арку между домами. Долго мне ждать не пришлось, Митька спустя

короткое время вышел из дверей профессорской квартиры. С минуту он стоял, крутя головой по сторонам, пытаясь понять, следят за ним или нет, потом резко повернулся влево и торопливо, с оглядкой, зашагал по улице. Отпустив его на приличное расстояние, я последовал за ним, только другой стороной улицы, прячась за спинами прохожих. Настроившись на дальний путь, ведущий на городскую окраину, именно там по моим понятиям должна находиться воровская хаза, я вдруг неожиданно увидел, что ученик плотника остановился у распахнутых ворот одного из доходных домов. Кинув пару взглядов по сторонам, он нырнул во двор и быстрыми шагами направился к... поленнице, сложенной под навесом у стоявшего в глубине двора флигеля. Наблюдая за ним, я был вынужден пересечь улицу и остановиться за створкой полуоткрытых ворот. Было видно, как он идет к флигелю, но, не доходя до него, оглянулся, после чего метнулся за поленницу дров, стоявшую под навесом во дворе, где и затаился.

«Ишь ты, умник! Наблюдательный пост себе устроил. А мне теперь что делать? – не успел я озадачить себя подобной мыслью, как во дворе появились новые действующие лица, появившиеся, судя по направлению пьяных голосов, со стороны полуподвала. Щель не давала полного обзора двора, поэтому в поле моего зрения только через минуту попали двое слегка покачивающихся мужчин, которые, судя по всему, тоже направлялись к поленнице. Один из них был дворником, второй, похоже, жильцом этого дома. Сделать такой вывод помогла его фраза, с которой он обратился к своему собутыльнику:

– Степаныч, веришь? Заела меня, моя змеюка. Жизни никакой нет. Вот и бутылку от нее в поленнице спрятал.

Подойдя к штабелю дров, оба пьяницы только успели за него сунуться, как сразу раздался крики: – Ирод! Вор! Украсть хотел! Сейчас ты у нас получишь!

Но стоило им вытащить мальчишку из-за штабеля, как тот вырвался и опрометью кинулся к флигелю. Подбежав, заколотил в дверь, крича:

– Дядька, пустите! Это я, Митька!

Узнав, где прячутся воры, я вышел из-за ворот и быстро зашагал прямо к флигелю. По пути уgomонив пьяниц затрещинами, я уже собрался схватить ученика столяра, который сейчас, вжимаясь спиной в дверь, смотрел на меня полными ужаса глазами, как вдруг дверь широко распахнулась и подмастерье, потеряв опору, просто ввалился спиной в помещение и упал на мужчину, стоявшего на пороге. Тот сумел устоять на ногах, но уже в следующую секунду после моего удара в челюсть спиной вперед улетел в полумрак. Не теряя времени, схватив за шиворот сидящего на пороге мальчишку, я рывком вкинул его внутрь, затем шагнул следом сам и замер, оглядываясь по сторонам. Давно немывтое окно света давало мало, но и его хватило, чтобы уловить резкое движение и тусклый отблеск на лезвии ножа. Даже толком не разглядев нападающего, я подхватил за ножку стоящую в шаге от меня табуретку и кинул ее в метнувшуюся ко мне фигуру. В результате столкновения головы и моего метательного снаряда, бандита отбросило к печке. Треснувшись об нее затылком, он потерял сознание, тело обмякло и сползло на пол. Из разжатой ладони с глухим стуком упал на пол нож.

Снова огляделся по сторонам, но теперь уже внимательно и цепко. Почти четверть помещения занимала большая печь, остальное место занимали стол, две табуретки и топчан, укрытый грубым солдатским одеялом. На столешнице были разбросаны монеты, а на окне стояла керосиновая лампа, нескольких свечных огарков и моток веревки. Мужик, которого я ударил у двери, ворочаясь на полу, глухо мычал от боли, прижимая руки к лицу.

«Не мешало бы их связать».

Подобранным с пола ножом я нарезал изрядные куски бечевки и сначала спутал руки и ноги у потерявшего сознание бандита, в котором узнал мужика из трактира, затем спеленал его поделника.

– А ты... Митька, не стесняйся и сядь на пол рядом со своими приятелями. Кстати, вот этот мужик, с кем ты в трактире сидел, он кто?

– Не знаю. Ей богу, добрый барин, не знаю! На кресте поклянусь! Не знаю! – голос мальчишки дрожал, а из глаз струились слезы.

– Верю! А ты кто? – спросил я мужика с разбитым лицом.

Тот зыркнул на меня исподлобья и уставился в пол.

– Похоже, ты мало получил, – при этих словах тот живо поднял на меня глаза. В них сейчас клубился неприкрытый страх. – Добавить?

– Не. Не! – бандит от большого испуга даже замотал головой из стороны в сторону. – Я Авдей Дмитрич Кокошкин. Из деревни Коробеевки Саратовской губернии. Крестьянин я. У меня и пачпарт имеется. Все честь по чести. Тут я случайно оказался. Зашел к приятелю, который тут по дворницкой части работает. Матвей Охримчик. А тут они.

– Как насчет монет на столе?

– Ни при чем. Ей-богу, ни при чем! Не знаю ничего про эти самые монеты! Ничего не знаю!

Я саркастически хмыкнул, подошел к столу и только тогда увидел лежащие на самом краю стола полтора десятка пустых мешочков. С минуту смотрел, потом стал набирать горстями монеты и сыпать в мешочки до тех пор, пока не наполнил последний из них. После чего достал из внутреннего кармана свой мешочек с монетами и поставил его рядом с остальными. Только я так сделал, как в дверь постучали. Причем условным стуком. Сначала два раза, затем пауза, потом три раза, затем еще одна пауза и снова двойной стук. Подойдя к двери, резко ее открыл. На пороге стоял плотно сбитый, невысокого роста, мужчина в костюме и шляпе. Тщательно выбритое лицо, только под носом красовались маленькие, напояженные и тщательно завитые усы, делавшие его похожим на приказчика. Только гость открыл рот, как я бесцеремонно схватил его за плечо и резко втолкнул в помещение. Затем захлопнул дверь и резко развернулся, причем сделал это весьма вовремя, так как новый посетитель флигеля оказался далеко не безобидным гостем, каким мог показаться на первый раз. Не успела его правая рука нырнуть во внутренний карман, как я схватил его за запястье и сжал со всей силы. Тот обжег меня злым взглядом, попытался освободить руку, но уже спустя десяток секунд, вскрикнув от боли, закричал:

– Все! Все! Отпустите! Ваша взяла! Достаю осторожно!

Под моим внимательным взглядом он осторожно, двумя пальцами, достал из кармана небольшой пистолет и протянул его мне. Я взял его и положил в карман своего пальто. Нежданный гость, болезненно морщась и потирая запястье, быстро прошелся взглядом по сидевшей на полу троице, потом повернул лицо ко мне. Взгляд злой, цепкий и настороженный, но страха в нем не было. И это было странно.

– Договоримся? – и он кивнул на мешочки с монетами. – Сколько?

– А в рыло не хочешь? – поднес я свой массивный кулак к его носу.

– Значит, не договорились, – довольно спокойно прореагировал на мою угрозу «приказчик», затем, скользнув глазами по мешочкам, посмотрел на меня и тоном полного сожаления, сказал:

– Монеты не простой товар. Ох, и намучаешься ты с ними...

– Заткнись, подними руки и повернись ко мне спиной! Дважды не повторяю!

После того, как он выполнил мою команду, я начал его обыскивать. Спустя несколько минут в мои карманы перекочевал нож и пухлый кошелек.

– Сядь рядом с ними! – проследив за выполнением своего приказа, я стал осматривать кошелек. Никаких документов, кроме толстой пачки денег, обнаружить мне не удалось. Пересчитал. Пять тысяч пятьсот рублей.

– Ого! – невольно воскликнул я при виде такой большой суммы.

– Половина ваша, и я пошел, – последовало новое предложение «приказчика».

– Я тебе слово давал?!

Не успел я так сказать, как в дверь дернулась, а затем распахнулась.

«Блин! Забыл закрыть ее на засов!»

Только я успел так подумать, как в помещение ввалился полупьяный дворник и сразу закричал: – Кто мне обещался нынче три рубля дать?! Гоните!! Душа пить просит!!

Покачиваясь, он сделал еще два шага и тупо уставился на сидящую на полу четверку. Стоило ему понять, что он видит, дворник попытался сбежать, но схваченный за плечо, развернулся ко мне и увидел кулак, поднесенный к его носу. Резко побледнев, работник метлы сразу начал трезветь.

– Да. Все! Понял. Я пойду. Хорошо?

– Пойдешь, когда скажу! Понял?

– Понял. Никому ничего не скажу! Не убивайте! Христом Богом заклинаю...

– Не ной! Слушай меня! Сейчас пойдешь и приведешь сюда городского, а лучше двух. Все понял?!

– Да. Да! Я живо! Так я пошел?

– Ты еще здесь?! – и я скорчил злобную физиономию.

Ничего непонимающий и вконец перепуганный дворник пулей вылетел из флигеля. Еще некоторое время сквозь открытую дверь я слышал дробный топот его сапог. Вдруг я заметил, как на меня с явным удивлением уставился «приказчик».

– Ты чего?

– Был уверен, что ты не филер. Сразу срисовал бы... Не та масть у тебя, зуб даю. Так кто ты?

– Прохожий.

– Слушай, прохожий, отпусти меня. Лопатник мой забирай и отпусти. Тебе же нужно было коллекцию отыскать, так ведь? Ты свое дело сделал. Премию свою заработал. Что тебе еще?

– Это ты полицейским объяснять будешь, мне не надо! Теперь лови свой лопатник! – и я кинул ему бумажник, но, к моему удивлению, покупатель коллекции даже пальцем не двинул, чтобы подхватить свой бумажник, и тот просто шлепнулся на пол.

– Не понял.

– Это не мой бумажник. Никогда его раньше не видел. Так и скажу на следствии: ты мне его подкинул, – вдруг неожиданно с кривой улыбкой заявил «приказчик». На какие-то мгновения я оторопел от наглого заявления, но как только до меня дошло, что с помощью своего кошелька он мог меня подставить, я слегка разозлился. Подойдя к нему, я от души врезал ему кулаком в живот. По лицу мошенника словно провели кистью с сине-багровой краской, затем его глаза выпучились, и он, с глухим и надсадным стоном, стал медленно сгибаться. Я схватил его за подбородок и резко вздернул голову вверх.

– В чем подвох? – но почти сразу понял по его мутным от боли глазам, что мой вопрос так и не дошел до его сознания.

Попытку понять самому, в чем заключалась уловка уголовного, сорвал стук сапог, а затем громкий с хрипотцой голос, снаружи выкрикнул:

– Полиция!! А ну выходь все во двор! Не подчинитесь – будем стрелять!

Выложив маленький пистолет и нож на край стола, я закричал в ответ:

– Эй!! Полиция!! Смело заходите! Разбойников я уже повязал!

Перед входом раздался невнятный шепот, видно, полицейские решали, кому идти, после чего снова раздался тот же голос:

– Вхожу, но как увижу в руке оружие – сразу стреляю! Так и знайте! У меня револьвер наготове!

Наступила секундная тишина, затем раздался громкий вздох, а за ним громкий шепот:

– С Богом, Степаныч...

И в дверном проеме показалась грузная фигура в шинели. В правой руке городской держал револьвер. Сделав два шага, остановился, затем огляделся и, оценив обстановку, негромко окликнул своего напарника:

– Микола! Иди до мене!

Спустя несколько секунд через порог перешагнул второй полицейский. Тот был помоложе и в два раза худее своего напарника. Он также огляделся, а потом спросил:

– Что тут, Степаныч?

– Может, лучше меня спросить? – предложил я.

Худой городской недоуменно посмотрел на меня, а толстяк, громко хмыкнув, сказал:

– Ждем от вас, гражданин хороший, всяческих объяснений по этому делу.

Я кратко обрисовал им ситуацию, соврав только в одном, сказав, что увидел парнишку на улице, который странно себя вел и постоянно оглядывался, и как добропорядочный гражданин решил проследить за ним. Толстяк снова хмыкнул, но теперь уже саркастически. Видно, немало прожив на белом свете, он перестал верить в подобные сказки, но при этом ничем не высказал свое сомнение, затем повернувшись к напарнику, скомандовал:

– Микола, дуй на улицу и посвисти там! Нам самим не разобраться! И оставайся там, пока начальство не придет!

Второй городской тут же выбежал на улицу, а еще через минуту воздух прорезала пронзительная трель.

– Так значит, это та самая коллекция монет, за которую обещали награду? – и городской кивнул головой в сторону стола.

– Да, – подтвердил его слова я.

– Как говорится, в ногах правды нет, поэтому господин хороший, давайте пока сядем.

Я согласно кивнул, и мы сели – городской на топчан, я на табуретку. Ждать пришлось долго.

Приехавший следователь снял с меня предварительные показания, после чего отпустил, при этом предупредив, чтобы я явился к нему завтра, в три часа дня.

Прибыв в назначенный час, я нашел хозяина кабинета в приподнятом настроении. Как оказалось, подследственные уже признались и теперь давали показания. Стоило мне услышать их полную историю, как стало понятно, что я взял не шайку закоренелых бандитов, а крестьян – лапотников, которые впервые в жизни решились на преступление. Единственный из них, главарь, в какой-то мере тянул на преступника. Бывший крестьянин был призван в армию, но по дороге сбежал и пробрался в столицу, где, как он знал, третий год проживает его двоюродный брат и односельчанин. Случайно в их компанию затесался парнишка, ученик столяра-краснодеревца. Как-то в их компании мальчишка рассказал, что в доме у одного из их заказчиков есть целая куча золотых и серебряных монет. Услышав это, крестьянские головы закружились от подобного богатства, и дезертир, которому терять было нечего, решился на ограбление, подбив на это дело двоюродного брата. Узнав, кого взял, я почувствовал себя несколько неловко, так как в мыслях считал себя в какой-то мере героем.

– Так я пойду?

– Погодите, не спешите! Я вам еще не все рассказал. Вы знаете, Сергей Александрович, что один из ваших задержанных, покупатель коллекции, это довольно известный в воровских кругах аферист по кличке Броня. Когда-то имел антикварную лавку. Довольно хорошо разбирается в старинных монетах, коллекционной посуде, фарфоре. Так вот, он собирался развести этих лапотников, как последних лохов. Деньги, которые у него были с собой, все как одна, фальшивки.

– Фальшивки?! Хм! Сколько ему лет дадут?

– Нисколько. Броня заявляет, что бумажник не его, и он о нем ничего не знает. Он жулик опытный, бумажника при нем не взяли, так что мы ему ничего объявить не сможем.

– И вы его просто так отпустите?

– Увы! К сожалению, никаких прямых улик по отношению к этому преступнику не имеем.

– На нет, как говорится, и суда нет!

Следователь, по его виду, видно хотел что-то спросить или сказать мне, но вместо этого достал часы, щелкнул крышкой, посмотрел на циферблат, а потом сказал:

– Знаете, у меня для вас еще кое-что есть. Где-то... минут через десять приедет профессор за своей драгоценной коллекцией. Он очень хотел вас лично поблагодарить. К тому же вы не забыли, что вам полагается награда?!

– Не забыл.

За время ожидания мы успели выпить по стакану чая с сушками, которыми вперемешку с городскими сплетнями потчевал меня следователь, пока не открылась дверь и не вошел Антон Павлович Иконников. Увидев меня, он остановился в явном замешательстве. В следующую секунду из-за его спины раздался перестук легких каблучков, и в проеме двери появилась... его родственница. В воздушном белом платье, с легкой улыбкой на лице, но стоило ей увидеть меня, как улыбка сразу померкла.

Следователь, вскочивший с места и собравшийся представить нас друг другу, увидев реакцию профессора и его племянницы, растерянно молчал, не понимая создавшейся ситуации. Первой вышла из оцепенения девушка. Нахмурившись, она раскрыла свой ридикюль, резким жестом извлекла из него конверт, сунула его в руки профессора, развернулась, бросила на ходу:

– Я жду вас, дядюшка, в экипаже, – вышла из кабинета следователя. Затянувшуюся молчаливую паузу прервал крайне удивленный следователь:

– Господа, а что собственно происходит?

Я промолчал, поэтому отвечать пришлось профессору:

– Э-э... Извините ее невежливость, господа и давайте вернемся к цели моего прихода, – он повернулся ко мне. – Нас так толком и не представили друг другу. Иконников Антон Павлович. Член-корреспондент, профессор. Читаю лекции в Петербургском университете по курсу словесности.

Я вытянулся, щелкнув каблучками, хотя был одет в гражданское платье, затем вскинул подбородок, развернул и без того широкие плечи, а затем представился: – Богуславский Сергей Александрович.

Профессор бросил на меня удивленный взгляд.

– Мне кажется, когда вы приходили ко мне, то назвались... Впрочем, это неважно. Главное, что вы сделали для меня! Большое вам спасибо, Сергей Александрович. Причем даже не столько лично для меня, сколько для русской нумизматики! Вы вернули... – и он, от избытка захлестывающих его чувств, махнул рукой. Затем после короткой паузы продолжил: – Впрочем, что вам мои стариковские восхваления! Держите! Это вам! Вы заслужили!

При этих словах он вручил мне конверт.

– Эх, голубчик! Меня сейчас просто переполняет чувство признательности! Может, нам опрокинуть по этому случаю пару рюмочек коньяку?!

Я отрицательно покачал головой.

– Тогда, может, в другой раз? Скажем... как насчет вечера пятницы.

– К сожалению, никак не могу. Извините меня.

Профессор искренне огорчился, затем дал мне свою визитку и попросил телефонировать ему, как только найдется свободное время, после чего попрощался и ушел. Я посмотрел на следователя, а тот в свою очередь посмотрел выразительно на мой конверт, который я до сих пор держал в руках.

– С прибытком вас, Сергей Александрович.

По его выражению лица и хитрой улыбке было нетрудно понять, но что он намекает.

– Нет вопросов. Куда и когда?

– Да прямо сейчас. Время самое что ни есть обеденное. Знаю тут недалеко одно местечко, где мясо готовят просто божественно.

Дома я посчитал деньги, лежащие в конверте. Их там оказалось намного больше обещанной премии. Целых пять тысяч рублей.

«Не думаю, что они перепутали. Видно, решили подобным образом спасителя коллекции отблагодарить. А мне и лучше!»

Глава 3

Утром принесли телеграмму от сестры, в которой сообщалось, что та прибывает на следующий день, утренним поездом. Выглянул в окно. Весь вчерашний день бродили из стороны в сторону хмурые тучи, обрызгивая улицы мелким, частым дождем, а сегодня на всю ширь небес сияло весеннее солнце, отражаясь в подсохших лужах.

Приехав на вокзал, я только успел выйти на перрон, как издалека раздался приглушенный расстоянием протяжный свисток и люди, все как один, повернув головы в сторону сигнала, застыли в ожидании. Спустя несколько минут, когда состав стал медленно подходить к перрону, все вдруг начали суетиться, перебегая с места на место. Наконец паровоз, окутанный парами, остановился. Станционный смотритель трижды ударил в медный, начищенный до блеска колокол. Я неторопливо направился к нужному мне вагону, но только начал искать сестру глазами, как увидел, что она уже сама бежит мне навстречу. С разгона кинувшись на грудь, она уткнулась лицом мне в пальто.

– Привет, сестренка! Как доехала? – сказав заготовленную фразу, я замер, так как понял, что это отнюдь не вспышка радости. Выждав немного, осторожно спросил:

– В пути все нормально было?

В ответ раздалось еле слышное сопение. Осторожно погладив ее по спине, я тихо сказал:

– Наташа, здесь не самое удобное место для разговора. Можем поехать ко мне, а если хочешь, закинем твои вещи в пансионат, после чего посидим в кафе или ресторане. Там обо всем и поговорим. Идет?

Оторвавшись от меня, она подняла полные слез глаза и, кривя рот, хотела что-то сказать, но не смогла и только кивнула головой. Я подозвал носильщика, который забрав ее вещи из вагона, пошел следом за нами к стоянке прокатных экипажей. По дороге она немного успокоилась и сказала:

– Извини, Сережа. Я крепилась, а как увидела тебя, так и...

– Ты так по мне соскучилась, что при виде меня от счастья расплакалась?

Она попыталась улыбнуться, но потом покачала головой и с какой-то тоской в голосе ответила:

– Нет, Сережа.

– Так в чем дело?

Наташа отвела взгляд, и некоторое время молчала, потом посмотрела на меня:

– Понимаешь, Сережа... мне кажется, что я никогда не смогу его полюбить. Никогда! Дома, с тоской, я ждала его прихода и наполнялась радостью, когда он уходил. Теперь же со страхом думаю, что мне придется жить с ним бок о бок долгую-долгую жизнь. Знаешь, от этих мыслей у меня в душе все переворачивается и слезы наворачиваются на глаза. Я становлюсь просто сама не своя! Радости нет...

– Ясно. А что мама?

– Она за меня переживает. Я вижу и чувствую это, но при этом все время твердит, что он выгодный жених, что он станет поддержкой и опорой на моем жизненном пути... Я понимаю, что она хочет мне добра... Но я не люблю его! И все тут! Помнишь, ты тогда говорил, что у каждого должен быть выбор?

– Говорил.

– Так вот. Я тоже хочу, чтобы у меня был выбор. Леша говорит... – тут она резко замолчала, потом стала медленно краснеть, при этом старалась не смотреть на меня.

– Так что говорит Леша? – спокойно спросил я, стараясь смотреть на спину извозчика, чтобы как можно меньше ее смущать.

Минуту она собиралась с духом.

– Он как-то сказал мне, что надо отбросить старорежимные правила и устои, которые ставят женщину в унижительное положение рабы своего мужа. Еще он говорил, что самодержавие скоро рухнет и на его обломках будет построен новый мир, где все будут равны. Как ты думаешь, Сережа, такое может быть?

– Знаешь, Наташа, не думаю, что это правильные мысли. Гм! Как тебе сказать... Идея может и неплохая, только вот ее исполнение будет настолько грязным, что после этого переворота нескольким поколениям людей придется отмываться от грязи и крови.

Какое-то время она внимательно на меня смотрела, а потом вдруг спросила:

– Ты не согласен с его словами?

– Просто так это не объяснишь, поэтому скажу тебе по-другому: нельзя строить свое счастье на несчастье других людей. Ничего хорошего из этого не получится. Теперь понятнее?

– Извини, но я в этом совсем не разбираюсь. Может, ты и прав, – какое-то время она молчала, потом сказала: – Хоть я и привыкла к тебе другому, но когда ты так говоришь, то кажешься мне совершенно чужим человеком.

– Наташа, я и есть не тот человек, которым был твой брат. Пойми это.

– Извини меня, Сережа, ради бога! Я... я все время забываю о твоём ранении! Ой! Господи! Какая же я страшная эгоистка! Все о себе и о себе! – и она вдруг начала копаться в своей сумочке. Наконец она извлекла конверт и протянула мне. – Там письмо от мамы и деньги. Пятьдесят рублей.

Довольный от того, что мы ушли от неудобной и тяжелой темы, я залез во внутренний карман и достал пачку денег.

– А это тебе. Держи.

– Ой! Откуда у тебя столько?!

– Все вопросы потом, а пока спрячь.

– Все же, сколько здесь? – не удержалась от вопроса сестра.

– Триста рублей. А маме деньги я уже отослал.

Наташа тут же решила, что в пансион она поедет завтра, а сегодня ей просто необходимо пройтись по магазинам. Отвезя ее вещи в гостиницу, мы сначала поехали по магазинам, а затем пошли в ресторан. После обеда, за десертом я рассказал сестре в общих чертах, как получил премию. Когда восторги сестры утихли, я осторожно и как бы невзначай перевел разговор на ее знакомого Алексея. По нескольким обрывкам, оброненным Наташей, мне стало понятно, что ее приятель по уши влез в революционную борьбу.

Дело в том, что мне нравился этот степенный, неспешный, с душой нараспашку и милым самоварным уютом мир. И не нравилось то, что будет с ним через два года. С другой стороны мне было наплевать на политику, но только если она каким-либо боком не коснется меня. Или Наташи.

– Сережа, ты чего помрачнел? Ешь мороженое, пока оно не растаяло!

– Да нет, все нормально. Тебе когда надо в пансион?

– Завтра с утра надо будет обязательно явиться.

– Значит, сегодня гуляем с размахом!

– Как здорово! Сережка! Я тебя безумно люблю, братик!

– Какая ты все-таки девчонка, Наташа!

– Да! Я такая! – и она показала мне язык.

Сейчас ее глаза искрились от радости, а сама она чуть ли не подпрыгивала на стуле от радостного предвкушения, а ведь где-то полтора часа назад ее душа страдала, а глаза были наполнены болью.

«Господи, да она еще совсем ребенок!»

Утром, проводив сестру до пансиона, я попрощался с ней, затем отпустил извозчика и отправился пешком домой, размышляя о том, что за сестрой придется присмотреть. Из мыслей меня выдернул пронзительный детский крик. В пяти метрах от меня верзила, с пьяным смехом, в куртке нараспашку, из которой выглядывала синяя ситцевая рубаша, выкручивал ухо щуплому мальчишке лет двенадцати. Парнишка, стоя чуть ли не на цыпочках, судорожно цеплялся за руку своего мучителя и тонко выл, на тонкой и болезненной ноте, словно щенок. Сцена издевательства происходила в двух метрах от входа в трактир, в дверях которого сейчас стояло несколько пьяных мужиков, которые веселились, глядя на происходящее, как на развлечение. У меня на этот счет было другое мнение.

– Отпусти мальчишку.

Мучитель поднял голову и посмотрел на меня мутными глазами.

– Ты кто такой? – от мужика пахло сивушным запахом.

– Без разницы.

– Ось какой храбрый! Гляди на него! – и пьяница бросил взгляд в сторону зрителей, судя по всему, его приятелей. – Видать из благородных. Костюмчик. А туфельки, глянь, ишь как блестят!

В ответ раздался смех, но негромкий и сдержанный. Несмотря на хмельной кураж, все они уже успели оценить ширину моих плеч и внушительного размера кулаки. Верзила, судя по всему, сильно надеялся на поддержку своих приятелей, наверное, поэтому он продолжил ломать комедию.

– Господин, верно, добрый? А может, и богатый? Так за пять рублей я согласен оставить этого заморыша в покое. Как?! По рукам?!

– По рукам!

– Смотри! Ты слово дал. Если назад задумаешь поворотить, то гляди... – недоговорив, он кивнул в сторону своих приятелей. Отпустив ухо паренька, он тут же отвесил ему такой сильный подзатыльник, что парнишка, не удержавшись на ногах, просто зарылся лицом в грязь. Мужик шагнул ко мне с протянутой рукой: – Давай обещанное!

Неторопливо достав бумажник, я достал пять рублей. Тот взял бумажку, затем повернулся к своим приятелям и, скорчив рожу, сказал:

– И почему я такой добрый?! Ведь мог и пятьдесят рублей попросить?!

– Мы в расчете?

Верзила повернулся ко мне. На его губах играла глумливая улыбка. Судя по его виду, он уже решил, что здоровяк струсил.

– Это ты со мной рассчитался, а моим братанам? Вон Митька и Петро стоят, – и он ткнул пальцем сначала в одного, затем другого своего брата, стоящих с ухмылками на лицах. – Да Савка со Степкой, хоть не прямые нам, но все одно родня. У тебя в бумажнике, я видел, много бумажек. Дай еще пару штук. С тебя, господин, не убудет, а нам в радость. Да, браты?!

Уверовав в свою безнаказанность, он расслабился, а зря. В этот самый момент я вбил кулак ему в солнечное сплетение. Он издал хрип, словно неожиданно поперхнулся, после чего согнулся, подставив лицо под мое колено, чем я не замедлил воспользоваться, резко выбросив его вперед. Склоненную голову верзилы мотнуло вверх, и не удержавшись на ногах, он рухнул на землю.

– Сам напросился. Или есть возражения?

Мог бы и не спрашивать – на меня уже несся его брат Митька. Оскаленный рот, в глазах бешенство.

– Убью!! – раздался над улицей его дикий крик. Словно в ответ, где-то недалеко, за моей спиной, раздался пронзительный свисток. Четко, словно на тренировке, заученным движением поймал руку отморозка еще в воздухе, затем резким движением вывернул ее, выламывая из сустава.

– А-А-А!! Рука!!

В следующее мгновение на меня обрушилась лавина ударов. Я пытался контратаковать, но, получив несколько довольно ощутимых ударов в лицо и живот, ушел в глухую защиту.

– Отступи, дьяволы!! Кому сказал!! – неожиданно раздался резкий крик, вслед за ним сразу резко уменьшилось количество ударов, а затем они и вовсе прекратились. Я опустил руки, которыми прикрывал лицо, и огляделся. Один из нападавших на меня братьев сейчас сидел на земле, завывая и размазывая по лицу кровавые сопли, другого держал в силовом захвате городской, с которым мы вместе тренировались в спортзале «Атлет».

– О, как! Так это вы! – узнал меня полицейский.

– Я. Спасибо большое. Вы вовремя подоспели, – при этом я быстро огляделся. На поле боя было четверо моих противников. Пятого не было.

Городовой правильно понял, что я хотел увидеть.

– Сбежал. Только пятки сверкали, – ответил он на мой невысказанный вопрос. – Как вы?

– Нормально.

– Что хотела от вас эта шваль?

– Мальчишку били, а когда я за него заступился, предложили выкупить за пять рублей.

– Дальше мне понятно. Что с этими двумя? – и полицейский кивнул в сторону главного затейника и его брата.

– Получили, что положено. Хотя я бы еще добавил. А этот что на земле сидит? – спросил я его в свою очередь.

– Мы тоже не лыком шиты. Давно мне уже хотелось с этими братьями Фроскиными разобратся, да они повода серьезного не давали. А тут увидел, ну и приложил от души. Вы не уходите, сейчас пристав придет. Он тут как раз посты проверяет. Надо оформить эту шантрапу, как полагается.

– Не уйду. А где мальчишка, не видели?

– Да я с ходу в драку полез. Не до него было, – тут он оглянулся и добавил: – Так мы сейчас узнаем. Извините, Сергей... не помню как вас по батюшке...

– Зовите просто по имени.

– Меня – Павел. Здешний околоточный надзиратель. Будем знакомы.

– Взаимно, Павел.

– Вы тогда этого мерзавца попридержите немного, а я пока с народом пообщаюсь.

Задержанный попробовал у меня из рук вырваться, но, получив по ребрам, затих, а тем временем городской обратился к высыпавшим на улицу посетителям трактира:

– Эй, люди! Кто видел, где мальчишка?!

– Тык убежал уже! А на што вам малец?! Он и так натерпелся! Тимофей с братьями еще те изверги, с пацаненком словно со зверьком играли! – раздалось выкрики из толпы. Судя по восклицаниям брата, похоже, достали местный народ до печенок.

– Это как, уважаемые? – поинтересовался полицейский.

Люди, чуть ли не наперебой, стали рассказывать ему историю мальчишки. Оказывается, парнишка приболудился к этому трактиру ранней весной. Его, изможденного и голодного, нашли рано утром у двери трактира первые посетители. Среди них нашлась сердобольная душа, которая купила мальчишке тарелку горячих щей. Так он и остался. Сначала половые парнишку гоняли, но со временем хозяин увидел, что люди его все равно подкармливают, сменял гнев на милость и поставил на уборку помещения. Денег не платил, только кормил. Где он спал, никто не знал, но рано утром, с открытием трактира, он уже стоял у двери. Тимофея с братьями всегда избегал, вплоть до сегодняшнего дня, не подходил к ним, особенно когда те были пьяные.

– Вот только сегодня, дурачок, повелся на сладкие пирожки, которые эти разбойники ему пообещали, а оно вон как вышло, – подвел итог истории мальчика один из посетителей,

пожилой мужчина, по виду приказчик. – То, что этих аспидов побили, так это правильно. Шага человек не сделает мимо них, чтобы эти охальники не задели. И хорошо если только словом, а то и кулаком бывало.

Спустя какое-то время прибыла полиция. Пристав и двое городских. Вслед за ними приехала санитарная карета, и врач с медсестрой стали оказывать первую помощь пострадавшим. Последним приехал следователь. За это время вокруг нас образовалось кольцо из зевак, которых, несмотря на усилия трех городских, так и не удалось разогнать. Щелкая семечки, обыватели шумно обсуждали происшествие, а некоторые из них, наиболее нахальные, даже стали давать скабрезные советы молоденькой медсестре, от которых ее щеки загорались румянцем. Следователь сначала опросил с десяток свидетелей, затем взялся за меня. Пристав, поначалу не разобравшись, хотел взять меня под стражу, как зачинщика драки, но Павел вступился за меня, объяснив, что произошло, и меня отпустили с обещанием, что завтра приеду в участок. Я дал согласие, затем зашел в трактир. Вытерев мокрым полотенцем кровь с лица и кулаков, вышел и отправился кратчайшим путем к трамвайной остановке, не желая привлекать своим видом лишнего внимания. Не успел свернуть за ближайший угол, как ко мне навстречу кинулся паренек, которого я спас от издевательств. Подбежав ко мне, он протянул пятирублевую бумажку, за которую был выкуплен у мучителя.

– Вот, дяденька. Возьмите. Мне чужого не надо.

Только сейчас я смог его толком разглядеть. Худой, замурзанный мальчишка, в грязной одежде с чужого плеча. Его правое ухо было опухшим и ярко-красным.

– Оставь себе.

Обойдя его, я уже отправился дальше, но почти сразу услышал шлепанье босых ног за спиной. Остановившись, повернулся к нему. Мальчишка тут же замер, словно зверек, настороженно следя за каждым моим движением.

– Чего тебе?

Но он только молчал и смотрел на меня. Выждав минуту, я сказал:

– Или ты говоришь, или я ухожу.

Он сделал пару шагов вперед, не спуская при этом с меня настороженного взгляда:

– Я знаю, кто убил сторожа на складе Мытьева.

Он сказал это настолько тихо, что я еле его расслышал.

– Мне это зачем говоришь?

– Я слышал, как главный полицейский говорил, что вас надо посадить под стражу.

– Ничего мне не будет.

– А если все же арестуют?

Я пожал плечами.

– Это был Тимофей с братьями. Он сам дядьку Осипа убил, а после с братьями склад ограбил. Еще я видел, куда они все спрятали.

– Как ты мог все это видеть?

– Так я на тех самых складах ночую. Иногда дядька Осип пускал ночевать, иногда – старик Макарыч, только тот уже вторую неделю болеет.

– Гм. Так иди в полицию.

– Нет, дяденька! Не пойду! Тогда меня Фроскины из-под земли достанут и мучительной смертью убьют.

– Слушай, а от меня-то ты чего хочешь? Чтобы я вместо тебя в полицию пошел?

– Вот и я о том. Вы им скажите, как и что. Место покажете. Вам и послабление выйдет.

– Дурачок ты. Тогда меня точно в тюрьму закатают. Хм! Защитник, блин!

Не хотелось мне связываться с этим делом, но речь сейчас шла не о простом хулиганстве, а об убийстве.

– Тебя как зовут?

- Лешкой.
- Идем, Алексей.
- Куда?
- С одним полицейским поговорим.
- Не. Вы дяденька один идите. Мне без надобности.
- Неволить не буду. Бывай!

Мальчишка сразу посмурнел лицом. Я уже начал разворачиваться, чтобы уйти, как он тихо сказал:

- Если это вам только надо, дяденька.
- Не мне, а нам обоим. Пошли!

Нам повезло, околоточный надзиратель еще не ушел, беседуя с двумя женщинами. Увидев, все трое с любопытством тут же уставились на нас.

- Павел, у меня к тебе дело.

Городовой сначала внимательно посмотрел на мальчишку, потом только спросил:

- Серьезное?
- Серьезней не бывает.
- Так мы пошли, Павел Васильевич? – тут же спросила городовой одна из женщин.
- Идите. Потом договорим.

Стоило им отойти, как я повернулся к пареньку:

- Рассказывай, Алексей.

После его рассказа Павел минуту думал, а потом спросил:

- А нож где? Тимофей Фроскин его выкинул?
- Нет. Он его в землю зарыл, – ответил Лешка.
- Зачем? Он что, полный идиот? – удивился я безмозглому поведению убийцы.
- Как сказать, – усмехнулся Павел. – Нож отменный, с красивой, резной рукоятью. Был

бы у меня такой, берег бы его как зеницу ока. Вот и он пожалел. Если он им Осипа зарезал, ему не отвертеться! Сгниет, сукин сын, на каторге!

- Им, дяденька полицейский! Им!

– Тогда так. Для начала я поговорю с одним сыскарем... – полицейский задумался. – А пока... Надо что-то с мальчишкой решать. Придержать его где-то, пока дело сладим.

Мы одновременно посмотрели на мальчишку. Под нашими взглядами он съежился, стараясь вжать голову в плечи. Потом мы посмотрели с городовым друг на друга. Тот отрицательно покачал головой и неожиданно усмехнулся.

– На меня не рассчитывай! Ни дома, ни жены, а в казарме, сам понимаешь, его не поселишь.

Я вздохнул.

- Ладно. Со мной побудет. Пока!
- Всего хорошего!

По дороге мы зашли в магазин готового платья. Затем в баню. Потом к портному. Когда мы шли к дому, у парня стал такой разнесчастный вид, что мне пришлось его спросить:

- В чем дело, парень?
- Дяденька, зачем вы на меня потратились? В баню ходил бы и все. А на деньги, что вы мне дали, сам бы все купил. Ей богу!

– Хватит ныть. Сейчас поедем, потом я уйду, ключ тебе оставлю. Хозяйку тоже предупреду.

- Можно, я провожу вас немного?
- Как хочешь.

Сегодня в спортзале «Атлет» был стрелковый день, к тому же я договорился со Степаном Петровичем, что приду пораньше и принесу, купленный на прошлой неделе, американский кольт М1911, который для того тоже был в новинку. Некоторое время он осматривал оружие, потом несколько раз разобрал и собрал пистолет и только после этого попробовал стрелять. Некоторое время мы развлекались, стреляя по мишеням, потом я начал пристреливать кольт, причем так увлекся, что не заметил, как пролетело время, и спохватился уже тогда, когда начали собираться на учебные стрельбы полицейские. После чего попрощавшись с инструктором, отправился в обратный путь. Не успел пройти и половины дороги, как вдруг из-за дерева, стоящего близко к обочине дороги, раздался детский голос:

– Дяденька! Дяденька! Не ходи домой! Там тебя ждут!

Резко развернувшись на голос, я увидел выглядывающего из-за ствола мальчишку.

– Алексей?! Ты о ком?

– Дяденька, говори потише. Они тут недалеко. Их Фроскины прислали! Чтобы нас убить!

– Да ну? Фроскины? Ты, парень, случаем не забыл, что они сейчас в тюрьме сидят?

– Тимофей в трактире сколько раз похвалялся, что у него полно друзей среди душегубов.

Вот они и пришли.

– Хватит дрожать, говори толком, сколько и где они прячутся.

– Двое. У одного револьвер есть. Он его из кармана куртки доставал, сам видел. Они там, где дорога заворачивает, спрятались. Там еще кривая ива растет.

– Знаю. Так почему ты решил, что они пришли по мою душу?

– Так они приходили в дом и стучались, а я в это время во дворе с хозяйской кошкой играл, – лицо мальчишки при этом приняло виноватое выражение.

– Что еще случилось?

Голова паренька опустилась.

– Ну!

– Они меня спросили о вас, дяденька. При этом сказали, что ваши приятели. Ну, я и сказал, куда вы пошли.

– Что дальше?

– Выйдя со двора, они остановились за забором и стали о чем-то спорить. Мне стало любопытно, ну и прокрался с другой стороны. Тут-то я услышал, что они говорят на воровском языке. Мне уже приходилось слышать его, дяденька. Стоило понять, что они вам не приятели, а даже наоборот, пошел за ними, а после, когда они выбрали место, побежал вперед, чтобы предупредить вас.

– Понял. Как они выглядят?

– Один из них, чернявый такой, весь из себя прилизанный, с маленькими усиками. Второго Красавчиком кличет. Это у него револьвер. Другой душегуб худой и быстрый. Его кличка – Жало.

– Спасибо, Алексей.

На лице мальчишки от похвалы расцвела улыбка.

– Значит, так. Ты остаешься здесь, а я пойду, посмотрю, какие у меня там приятели завелись.

– Так, может, лучше кого на помощь позвать?

– Сам разберусь.

Поворот, указанный Алексеем, я знал, поэтому быстро нашел. Оба бандита прятались за сросшимися деревьями, стоящими в нескольких метрах от дороги. Место засады давало хороший обзор по обе стороны дороги. Сейчас, стоя за стволом дерева, они оба курили, поглядывая на дорогу, проложенную по мелколесью. Впрочем, даже не дорогу, а широкую хорошо утоптанную тропу. Осторожно подкравшись, я встал за деревом, в метрах семи от них.

– Слышь, Жало, сколько нам тут еще мерзнуть? – спросил своего подельника бандит с приятным лицом, аккуратно подстриженными усиками и шапкой кудрявых волос. – У меня уже все нутро задубело.

– Сколько надо, – негромко, но веско ответил второй бандит с худым лицом.

– Слушай, а чего этого фраера нам приказали поломать? – никак не мог успокоиться его напарник. – Давай ему перо под ребро засадим...

– Хорош хавальник разевать, Красавчик. Стихни, – тихо, но с плохо сдерживаемой злобой осадил бандит своего разговорчивого подельника.

«Действительно. Уголовники. Убивать меня пришли».

Вытащил из кармана кольт. Ни страха, ни сомнений не было, зато была холодная, злая уверенность, что, если будет необходимость, я их убью.

Выскользнув из-за ствола дерева, мне удалось сделать по направлению к бандитам только два неслышных шага, но на третьем оба резко обернулись. В руке у Жала сверкнуло длинное лезвие ножа, а Красавчик уже почти выхватил из кармана куртки револьвер, как раздался щелчок снятого предохранителя. Он прозвучал достаточно громко в весенней тишине леса. Наемники сразу замерли, молча, глядя на меня. Лица жесткие, напряженные, а в глазах злость и растерянность. Не такой они видели встречу со своей жертвой. Молчание прервал Жало, попытавшись выкрутиться из сложившейся ситуации.

– Мы к тебе ничего не имеем. Давай разойдемся по-хорошему, парень.

– Револьвер – на землю. Нож – на землю.

Голос негромкий, спокойный. В глазах и в голосе холодное равнодушие. Звериное чутье подсказало Красавчику, что они сильно ошиблись, взявшись за это дело, так как перед ними стоял не фраер дешевый, а матерый зверь. Даже понимая это, бравада и гонор бандита, замешанные на кокаине, толкнули импульсивного бандита испытать судьбу.

Резким движением он выдернул револьвер из кармана, но направить уже не успел. Грохнул выстрел, и его правое плечо обожгло словно огнем. Боль на какие-то мгновения смяла его сознание, заставив невольно вскрикнуть и выронить револьвер. Отключившись на несколько секунд от внешнего мира, он даже не видел, как Жало, решив воспользоваться моментом, попытался сбежать. Новый выстрел встряхнул Красавчика, и он видел, как его подельник, захрипев, рухнул лицом вниз на мокрую, раскисшую землю, усыпанную хвоей. Судорога свело тело в последний раз, после чего хрип резко оборвался.

Я подошел к раненому бандиту. Тот, болезненно кривясь, в эту самую секунду попытался зажать кровоточащую рану рукой, но видно неудачно, так как вскрикнул от боли.

– Кто заказал?

Он бросил взгляд на лежащий под ногами револьвер и только тогда посмотрел на меня.

– Жить оставишь?

– Все будет зависеть от твоего ответа.

– От ответа, говоришь?! Пусть так. Это Кистень! Сашка Кистень! У него трактир за Николаевским вокзалом!

За несколько секунд я выстроил логическую цепочку, в которой нашлось место всем нападениям, но главного ответа там не было.

«Где я мог этому Кистеню дорогу перейти? Ума не приложу!»

– Тогда ответь мне...

Мой допрос прервали приближающиеся громкие и тревожные голоса людей, услышавших выстрелы. Бандит, услышав их, заметно приободрился, по его губам даже скользнула легкая ухмылка, но сразу сбежала, стоило мне вскинуть руку с пистолетом. Он уже открыл рот, как хлопнул выстрел, оборвав так и не родившийся крик. Пару секунд смотрел в его мертвые глаза и удивился сам себе из-за того, что не испытал даже секундного приступа вины или сожаления.

Я даже не воспринял их как людей, а как движущиеся мишени в тире. После чего я еще минут двадцать петлял по лесу, пока звуки погони не растворились в вязкой сырости весеннего леса.

«Если и верна истина, – думал я, выбираясь из лесу, – что к страху смерти нельзя привыкнуть, но это, похоже, не в моем случае, так как этим искусством я овладел в совершенстве, оттачивая его годами на больничной койке».

Мальчишку я нашел в состоянии тихой паники. Услышав выстрелы, он подумал, что бандиты меня убили и сейчас его ищут. Успокоив, повел его домой, при этом думая о том, что нам надо срочно менять место жительства. Только поздним вечером, собираясь ложиться спать, я подумал о том, что со мной что-то неправильно, раз я ничего не чувствую, застрелив двух человек. Несколько минут я пытался понять, что со мной не так, но стоило голове коснуться подушки, как мысль тут же потеряла очертания и смылась из сознания наступившим глубоким сном.

Рано утром, собрав чемодан, я отдал ключ от комнаты домоправительнице и сказал, что меня не будет с неделю, объяснив это тем, что надо отвезти мальчишку его родне. Старуха равнодушно кивнула головой в черном платке, а затем, повернувшись ко мне спиной, направилась к себе.

Переселились мы с Лешкой в небольшую гостиницу, расположенную в трех минутах ходьбы от трамвайной остановки. Я заметил ее еще в то время, когда искал жилье в этом районе, но в то время она казалась мне дорогим удовольствием. Мальчишке тоже пришлось по душе переезд. На его счет у меня были подозрения, что он не сильно поверил моим объяснениям о том, что бандиты, устроившие засаду в лесу, никакого отношения к братьям Фроскиным не имеют.

Глава 4

На следующее утро, вместе с Лешкой, мы отправились в полицейский участок. Павла не застали, но стоило мне объяснить дежурному, зачем мы пришли, как нас направили к сыскному агенту, который вел дело об убийстве сторожа. Это был молодой и жизнерадостный человек, лет двадцати пяти – двадцати семи. Звали его Аристархом Степановичем Волошиным. Это был не только первый год его службы в полиции, но и первое дело, связанное с убийством. Услышав рассказ мальчишки, он просиял и чуть ли не бегом кинулся за экспертом и следователем. Спустя какое-то время, на двух пролетках, в сопровождении следственной бригады и полицейского в форме, мы отправились к месту, где было закопано награбленное и оружие убийцы.

Оба тайника находились на пустыре, сразу за складами. Место, где убийцы спрятали ворованное, было хорошо замаскировано, значит, его мог найти только тот, кто знал тайник. Потом Алексей показал место, где был зарыт нож. Оно находилось метрах в сорока от первого тайника, в зарослях лопуха. Если тайник с ворованными вещами был осторожно вскрыт, то нож отрывать не стали, так как сыщикам вполне хватило представленных доказательств, что мальчишка говорит правду. Когда закрывали тайник, Волошину в голову пришла неожиданная мысль, которой он тут же поделился со следователем и экспертом. Те подумали и сказали, что это довольно необычно, но должно сработать.

Тимофей Фроскин, будучи хроническим алкоголиком, не спал с самого раннего утра, мучимый жаждой, головной болью и остальными похмельными синдромами. Когда он стал стучать в дверь и требовать воды, а на его стуки никто не отозвался, в нем невольно начал расти страх. Когда наконец дверь в камеру распахнулась, вместо надзирателя в камеру неожиданно вбежали два полицейских и без каких-либо объяснений, скрутив ему руки, куда-то поволокли. Страх еще сильнее сжал сердце, когда его вывели на улицу и посадили в экипаж между двух конвойных. Он попытался с ними заговорить, но вместо этого один из полицейских ткнул ему под ребра стволом револьвером и предупредил, что при малейшей попытке к бегству тот будет застрелен. От этого предупреждения руки у убийцы затряслись, а на лбу выступил холодный пот.

– Ради бога, скажите: куда вы меня везете?

– На казнь, – негромко сказал второй полицейский и засмеялся.

Убийца побледнел. В висках застучали молоточки. Мысли заматались подобно стае воронья, но спустя какое-то время он сообразил, что это была только злая шутка, и уже начал успокаиваться, как вдруг увидел, что пролетки свернули к складам, к месту убийства. Тут грубая шутка конвоира приобрела в его голове особый смысл, а стоило пролетке остановиться на том самом пустыре, где он увидел полицейских, стоящих около тайника с ножом, его мозг просто взорвался. Он попытался вырваться из рук конвойных, а когда не удалось, громко с надрывом закричал:

– Суки!! Иуды!! Продали!! Петька, тварь!! Паскуда!! Нет!! Один не пойду на каторгу!! Все!! Все ответят!!

Его исповедь длилась не более пятнадцати минут, после чего он сел на землю и заплакал.

Об этом мне рассказал сияющий Волошин, вернувшийся после своего эксперимента в участок. Поинтересовавшись сроками, которые получают бандиты, я был несколько удивлен, когда узнал, что убийце грозит срок до семи-восьми лет каторжных работ, а его братьям дадут в половину меньше, как соучастникам.

«Мягкие, однако, законы в Российской империи».

Вернувшись в гостиницу, я обрадовал этой новостью Алексея. Мальчишка сначала прыгал от радости от того, что Фроскины навсегда исчезли из его жизни, а затем вдруг остановился и присел на краешек стула с унылым видом.

– Эй! Что опять с тобой? – решил я поинтересоваться его столь резким переходом настроения.

– Ничего, дяденька.

– Говори.

– Теперь я вам не нужен, да?

– А, вот ты о чем! Гм. Да живи пока, а там посмотрим.

Лицо мальчишки сразу просветлело.

– Слушай, Алексей, а где твои родители?

– Мамка умерла. Еще два года тому назад. Отец... на каторге, – голос его звучал глухо и тоскливо.

– Вот оно как! За что?

Паренек отвернул лицо и стал смотреть куда-то вбок.

– За... убийство.

– Не бойся. Сын за отца не ответчик. Как жили, так и будем жить дальше.

Парнишка поднял на меня блестящие от подступающих слез глаза, глядя на меня с каким-то обожанием. Возникшее внутри меня чувство неловкости заставило меня буркнуть:

– Хватит сырость разводить. Думай лучше, куда обедать пойдем.

Парнишка проглотил комок, стоящий в горле, и наконец сдавленным голосом сказал:

– Спасибо вам за все, дяденька.

– Пожалуйста, племянничек, – съязвил я в ответ, потом подумал и добавил: – Завтра встречаюсь со своей сестрой, не хочешь составить компанию?

– Даже не знаю, дяденька. Может, я все же лучше дома посижу? К утреней схожу, матери свечку поставлю.

– Одно другому не мешает.

– Ну, если не стесню, то составлю.

– Договорились.

Церковь явно требовала хорошего ремонта. Сквозь облупившуюся штукатурку стен проглядывал кирпич, а многочисленная ржавчина, как видно, уже не один год разъедала металлическую ограду. На мощенном камнем дворе кое-где пробилась трава пополам с сорняками. Из-за церкви выглядывал старый деревянный дом с зеленой крышей и прислонившейся к нему неровно сложенной поленницей дров. Посреди двора непонятно зачем стояла телега с запряженной в нее лошастью. Та грустно опустила голову и изредка помахивала хвостом.

Быстро оббежав глазами грустно-унылую картину, я прошел через ворота во двор.

«Что тут скажешь! Краина. Фабричный район».

Подойдя к церкви, снял шляпу, перекрестился, после чего мы вошли в приоткрытую дверь. Несмотря на то, что было воскресенье, народа набралось немного, по большей части пожилые люди. Перед ними с проповедью выступал молодой попик со строгим лицом и совсем несолидной редкой бородкой.

По окончании службы я вышел вместе с другими прихожанами во двор. Алексей, увидев крутившегося во дворе щенка, подбежал к нему. Тот встретил его веселым тьявканьем, а затем стал прыгать, приглашая поиграть. Мальчишка оглянулся на меня.

В его глазах читался вопрос: можно я немного поиграю? Я кивнул.

«Время есть», – лениво подумал я, глядя на игры мальчишки и щенка.

Вдруг я услышал голос у себя за спиной:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.